

ПЁТР САМОТАРЖ

ПОЦЕЛУЙ НЕГОДЯ

Пётр Самотарж Поцелуй негодяя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21230578

Аннотация

Сорокалетний холостяк Сергей Воронцов возвращается ранним утром пешком от замужней любовницы и встречает на улице женщину с сыном-подростком. Мальчишка в истерике, из его криков Воронцов понимает: они остались без денег на улице в чужом городе...

В четвертом часу утра 23 июня 2005 года жители домов по Вилюйской улице в Москве, страдай они тяжелой бессонницей, могли бы увидеть идущего по тротуару пешехода. Выглядел он вовсе не загадочно: сорока лет от роду, в старых джинсах и широкой клетчатой рубашке навыпуск, с физиономией человека, не видевшего за свою жизнь ничего поразительного. Холостой, беззаботный и счастливый, не имеющий денег на частника или такси, путешественник следовал по едва продирающей заспанные глаза столице и, казалось, не видел в своем приключении ничего обременительного или унижительного. Логично было бы предположить, что неуравновешенный образ жизни время от времени приводил путника к ситуации выживания посреди сурового мегаполиса. Более интимное знакомство с упомянутым человеком дало бы желающим дополнительные подробности: большинство близких ему женщин состояли замужем и относились к гуляке ласково, не ожидая излишнего постоянства, а только основательности, искусных ласк и готовности при необходимости улепетнуть самым невообразимым путем: в окно, через чердак, даже незаметно во входную дверь, только что захлопнувшуюся за объявившимся не вовремя мужем. Ловелас и теперь еще ощущал женское тепло на своих ладонях и на лице, слышал счастливый шепот и мечтал о судьбе тех редких

кардиологических больных, коим довелось закончить жизнь в объятиях юной избранницы. Объяснить причину его успехов у женщин пытались лишь некоторые из его знакомых, и все быстро отказались от бессмысленных усилий. Можно только предположить: он эмпирическим путем нащупал идеальное соотношение материального, интимного и имиджевого параметров и оказался своего рода монополистом в области глубоко личных отношений финансового характера.

Оставалось пройти еще километров десять, и как раз к открытию не нужного к тому моменту метро Воронцов (так называли ходака все его знакомые, мужчины и женщины) полагал добраться до собственной остылой постели, но тут он увидел впереди себя женщину с ребенком. Точнее, мамашу с подростком, который, разумеется, не желал ее слушаться и громко кричал, далеко слышный в утренней тишине, среди гомона городских птиц. Кто-то скажет, что птичий концерт сам по себе нарушал тишину, но Воронцов воспринимал его частью природного безмолвия, поскольку очень хорошо представлял себе подлинный шум, заполняющий московские улицы днем. Человеческие истеричные вопли к звукам природы не относились и привели невольного слушателя в раздражение. Он ускорил шаг, намереваясь поскорее обогнать нарушителей гармонии и вернуть себе ощущение мирового совершенства, но, приблизившись к ним, обнаружил, что женщина беззвучно плачет, вытирая глаза платком.

– Зачем, ну зачем ты вылезла со своими дурацкими во-

просами! – вопил на нее пацан с прыщавой физиономией и проступившими от напряжения венами на висках. – Что тебе не сиделось спокойно! Чего ты хотела добиться, чего! Ну куда ты идешь, куда! Ты ведь сама не знаешь, куда!

Женщина по-прежнему промокала глаза платочком, а Воронцов, огибая парочку, успел подивиться совершенной омерзительности искаженного ненавистью подросткового лица. «Хоть аллегорическую скульптуру с него лепи», – подумал беспечный путник, в жизни не занимавшийся никаким из доступных человеку искусств. Он ускорил шаг, желая поскорее избавиться от неприятного соседства, но мать подростка, прикрывая лицо измятым платочком, бросила на Воронцова мимолетный растерянный взгляд. Она ничего не сказала, даже глаз не задержала на прохожем, а поспешно их опустила, словно испугалась свидетеля. Во всяком случае, помощи она точно не просила, и Воронцов лишний раз убедился в своей непричастности к происходящему, но вдруг остановился.

– Может, вам помочь? – спросил он с некоторой натугой, опасаясь положительного ответа.

– Не надо, – рявкнул подросток, блеснув белыми от ненависти глазами.

– Что-нибудь случилось, гражданочка? – настаивал Воронцов, борясь с острым желанием схватить молокососа за ухо и хорошенько его выкрутить.

– Нет, спасибо, – отозвалась в конце концов мамаша и сно-

ва бросила на упорного прохожего взгляд исподлобья.

– Мужик, иди, куда шел! – проорал наглый пятнадцатилетний шкет, даже изогнувшись от яростного усилия, словно хотел уподобиться соловью-разбойнику и одной силой легких ниспровергнуть оппонента.

– Что значит «нет, спасибо»? – неожиданно для самого себя спросил Воронцов. – Я же вижу – вы попали в какой-то переплет.

– Нет-нет, ничего страшного.

– Конечно, ничего страшного! – опять завопил костлявый голенастый горлопан. – На старости лет побомжевать захотелось, а так – ничего страшного!

Воронцов ощутил неприятный холодок под ложечкой. Он возникал там редко, в тех сложных и неудобных ситуациях, в которых умелый человек оказывается лишь изредка. Воспитание не позволило своему несчастному обладателю притвориться неслышащим.

– Вам негде жить?

– Мужик, ну тебе-то какое дело! Иди, куда шел!

Женщина подняла на сочувствующего блестящие карие глаза:

– Спасибо, я сама разберусь.

– Как ты разберешься, как! У тебя же ни хрена нет, ни хрена! Ни копыя у тебя нет, понимаешь! Ты же дура, дура!

– Это ваш сын? – на всякий случай поинтересовался Воронцов, хотя был абсолютно уверен в положительном ответе,

потому что не представлял, на кого еще может орать в таких выражениях прыщавый пацан – еле-еле душа в теле.

Разумеется, женщина утвердительно кивнула – видимо, растерялась от неожиданности.

– Куда вы идете?

– На вокзал, наверное.

– На вокзал она идет! – вновь возопил пришелец из ада. – Что тебе делать на вокзале, дура! У тебя же денег нет на билеты! На вокзал она идет!

– У вас действительно нет денег на билеты?

– Нет-нет, спасибо, я придумаю что-нибудь, – поторопилась ответить женщина на предложение, которое Воронцов не успел сделать. Тот и сам не знал, как следует себя вести в создавшемся положении. Извиниться, попрощаться и отправиться дальше – после всего услышанного просто подло. Двадцать первый век, документальные фильмы о тайнах криминального мира и многочисленные детективы учили его не доверять людям, но он родился давно и никак не мог избавиться от вбитых в его голову азбучных истин.

– Знаете, я не хочу силой влезать в вашу жизнь, – осторожно начал Воронцов.

– Спасибо, спасибо, я сама, – оборвала его женщина.

– Охотно верю, но на всякий случай возьмите, – он протянул собеседнице свою визитку.

– Ну куда ты лезешь, мужик! Ты замуж ее хочешь взять? – с новой силой заистерил подросток.

Воронцов изо всех сил старался и дальше игнорировать сопливого придурка, но с каждой минутой терпение иссякало, и всякое могло случиться.

– Спасибо, не надо, – испуганно отворачивалась от протянутого ей кусочка картона странная женщина.

– Она у тебя деньги возьмет до Челябинска, а там под забором сдохнет, и я вместе с ней! А могли бы здесь спокойно пожить!

– Не могли бы, – чуть слышно шепнула несчастная.

– Не могли бы! Из-за тебя и не можем!

– Не из-за меня.

– Ну конечно, из-за него! Он тебя гнал, что ли! Скажи, он тебя гнал?

– Да, – совсем неслышно шевельнула губами мать и жена.

– Врешь! Врешь! Не гнал! Ты сама взбрыкнула, сама!

– Я не могла там остаться.

– Ну и шла бы, куда хочешь! Почему я должен за тобой тащиться?

Воронцов совершенно не понимал, зачем присоединился к семейной сцене чужих ему людей. Его характер вообще не предполагал конфликтов, он уклонялся от них всегда и везде, по любому поводу и без одного вовсе, когда ситуация, положив руку на сердце, требовала соучастия любого порядочного человека, и когда конфликт зрел исключительно в его собственном неискушенном сознании. Теперь он стоял с протянутой рукой и крутил в пальцах отвергнутую визит-

ку, силясь осознать свою противоречивую роль в происходящем.

– Гражданочка, – с ноткой нерешительности в голосе возобновил речь незадачливый джентльмен, – я ведь не могу просто так отсюда уйти.

– Еще как можешь! – рыкнул сиплым подростковым тенорком несносный отрок.

– О чем вы? – искренне удивилась мать негодяя. – Вы нам ничем не обязаны, идите себе с Богом.

– Я не могу. Меня совесть будет мучить.

– Почему? Я ведь ни о чем вас не прошу. Наоборот, я говорю: спасибо, нам не нужна помощь.

– У меня ведь есть голова на плечах. Я предлагаю компромисс. Вы возьмете у меня визитку, а я оставлю вас в покое. Не захотите – не позвоните, но совесть меня не загрызет. Иначе я получаюсь совсем уж законченным подонком.

Женщина задумалась, терзаемая с разных сторон инстинктом самосохранения и хорошим воспитанием, затем неловко взяла визитку, поспешно поблагодарила и отвернулась от искушителя, словно испугавшись. Несносный ее отпрыск скорчил презрительную гримаску и всем своим видом показал ненависть к миру взрослых, построенному на лжи и двоемыслии.

Воронцов обогнал странную парочку и деловым шагом отправился дальше по пути порока. В намеченное время он добрался до своей трехкомнатной квартиры в сталинском доме

и лег спать, когда город наконец проснулся. Жилье альфонса вовсе не напоминало своим видом такового. Наоборот, создавало ощущение стабильности, солидности и достатка. Только сведущий человек мог постичь скучную истину – облик квартиры создавался десятилетиями, но не Воронцовым, а его родителями. Сам он привнес в обстановку только пристойную бытовую электронику и компьютер, средоточие жизни. Этот последний стоял на письменном столе в кабинете, в том же помещении находился и неплохой музыкальный центр, поскольку хозяин любил во время работы мелодический звуковой фон, желательно без участия человеческого голоса. Голос – уже не фон, он отвлекает внимание. Между письменным столом и входной дверью стояло старое кресло-кровать, такой же след родителей, как и вся квартира. Его неизменно накрывал гобелен с изображением какого-то горного замка зимой. Из оставшихся комнат спальня не несла ни малейших следов личности Воронцова, а гостиная в качестве такового имела лишь японский телевизор. Спал одинокий волк неизменно в кабинете, стремясь к уюту.

Вернувшись к бодрствованию уже после полудня, холостяк принял душ и занялся приготовлением любимого чахохбили. Ароматы наполнили кухню, но кудесник упорно отказывался от попутной скороспелой пищи из холодильника, сберегая аппетит для подлинного кулинарного роскошества. Он всегда организовывал обед как торжественное действо, требующее внимания и эмоционального отношения, близко-

го к восторгу. Воронцов не считал себя сколько-нибудь выдающимся кулинаром, но изредка ему случалось поддерживать беседу по кухонным вопросам с женщинами, которые неизменно изумлялись познаниям собеседника и неизменно приводили его в изумление. Почему, собственно, мужчина не может заниматься приготовлением обедов? Холостяк просто не имеет иного выхода, если желает остаться в числе живых.

Традиционное времяпрепровождение потребовало после обеда некоторого моциона, по завершении которого, ближе к концу рабочего дня, свободный человек занялся наконец своей удаленной работой. Достижение прогресса, возможность добывать себе хлеб насущный в своей собственной квартире, не вступая в противоречие с действующим законодательством и не пускаясь в опасное плавание по бурному морю частного предпринимательства, доставляло Воронцову неисчерпаемое удовольствие. Он сел за компьютер в кабинете, вышел в Интернет и окунулся в обыденность, совершенно забыв о чрезвычайном происшествии утром его обычного перевернутого дня. Через несколько часов оно напомнило о себе телефонным звонком.

– Здравствуйте, Сергей Михайлович, – произнесла женщина в телефонной трубке. – Извините. Мы встретились сегодня утром, если помните.

– Помню, – обиделся Воронцов, – из ума пока не выжил. Рад вас слышать.

– Извините, – глухо повторила женщина. – Я подумала:

раз уж вы сами оставили визитку...

– Конечно, сам. Не отрицаю. Вы не смущайтесь, я готов помочь в меру сил.

– Видите ли... Не знаю, с чего начать.

– Да что тут начинать, и так все ясно. Вам нужно переночевать.

– В общем, да, – после паузы сдавленным голосом произнесла женщина. Вы можете помочь?

Воронцов мысленно осадил самого себя: что ты делаешь? Он словно не вполне осознавал собственные действия и их мотивы. Незнакомые люди в жизни не переступали порога его квартиры, тем более не оставались на ночь. Да и на одну ли ночь? Из увиденного и услышанного утром благодетель страждущих успел убедиться в отсутствии у женщины каких-либо источников финансирования не только в Москве, но и в Челябинске. Значит, к утру деньги у нее не появятся, ни на съём жилья здесь, ни на возвращение в Челябинск. Приятели у Воронцова имелись, но недостаточно близкие для обращения к ним с просьбой об уплотнении жилплощади. Да и с какой стати? Он незнакомку встретил, оставил ей свои координаты, а за последствия должны отвечать другие? Получается, незадачливая мать вместе со своим невыносимым потомком останется здесь жить на неопределенное время? Перспектива совсем не радовала блудливого кота, привыкшего иметь дело с женскими особями иного склада. Тем не менее, спустя считанные секунды после заданного теле-

фонной трубкой вопроса, он услышал собственный голос:

– Вы боитесь меня?

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду две свободные комнаты в моей квартире.

Если вы меня не боитесь, приезжайте. Запишите адрес.

– В вашей квартире?

– В моей квартире. Неужели я произвожу впечатление маньяка?

– Не производите, конечно. Только...

– Что только?

– Честно говоря, маньяки никогда не производят впечатления маньяков.

– Вы специалист в криминалистике и преступной психологии?

– Нет, я их видела.

– Видимо, вам сильно не повезло в жизни.

– Я имею в виду, по телевизору видела.

– Слушайте, наш разговор принимает странный оборот. Какой, собственно, помощи вы от меня ждете? У меня нет в запасе пустой бесплатной квартиры.

– Я понимаю... но все равно... как-то странно.

– Ничего странного. Во всяком случае, мое предложение кажется мне менее странным, чем предложение денег на оплату съемного жилья. Извините, я не располагаю лишними суммами.

– Наверное, мы вас стесним...

– Ерунда. Вы разговариваете с человеком, прожившим два года в казармах, меня невозможно напугать бытовыми неудобствами. К тому же, ваше общество я вовсе не представляю себе в таком свете.

В трубке воцарилась тишина, и Воронцов решил, что напугал собеседницу своим последним изречением. В глубине сознания мелькнула робкая надежда на женскую скромность и робость перед лицом мужской силы, но она не оправдалась.

– Диктуйте адрес, – сказала женщина так, словно отдала приказ о нападении на небольшую страну.

2

В ожидании жильцов хозяин прошелся дозором по своим владениям, обдумывая планы их размещения. Гостиную отдавать не хотелось – там стоял телевизор, а в кабинете не было телевизионного кабеля. С другой стороны, привести незнакомую женщину напрямиком в спальню значило сразу же растоптать ее морально. Наверное, ей придется надавать ему пощечин и гордо удалиться. А он останется при своей выгоде, но без изрядного куса человеческого достоинства. Если перетащить комп и музыкальный центр в гостиную, их придется водрузить на круглый обеденный стол за неимением другого места, и комната примет совершенно нежилой вид. К тому же, выделенка капитально подведена к законному местонахождению компьютера – нужно отодрать кабель

с коробом от плинтуса и бросить на пол в гостиной? После нескольких минут подобных рассуждений Воронцов вдруг вывел умозаключение о нежелательности вторжения посторонних людей в его маленький мир, но поспешил развеять нелепую мысль. Отступить некуда – Рубикон перейден. Но подленькие мысли возникали одна за другой: в спальне стоит гардероб со всеми его вещами: брюки, рубашки, джинсы, костюмы, куртки на разные времена года и пальто. Нужно будет стучаться к чужим людям, чтобы до них добраться? В кабинете есть бельевница, по крайней мере здесь можно обойтись без совместного владения. Единственным плодом всех приложенных к решению проблемы умственных усилий стал отказ от любых перестановок. Осталось только усталое ощущение внезапного переселения в коммунальную квартиру. Даже хуже – там нужно делить только кухню и санузел.

После часового ожидания звонок в дверь раздался неожиданно. Воронцов погромел замками и открыл дверь с чувством холодного разочарования в собственных благих намерениях. На лестничной площадке стояла загадочная женщина, рядом с ней возвышался на полголовы подросток. Последний всеми силами демонстрировал свою непричастность к происходящему: смотрел в сторону с безразличным видом.

– Здравствуйте, – смущенно сказала женщина. – Наверное, нам пора представиться: Вера Ивановна Заманина. А это мой сын, Петя.

– Очень приятно, – с некоторым усилием произнес скучный, но гостеприимный хозяин. – Вы уже знаете, что я – Сергей Михайлович Воронцов. Проходите, пожалуйста.

Жильцы вошли, и только теперь благотворитель осознал факт отсутствия у них каких-либо вещей. Кажется, утром их тоже не было. Озадаченный и насторожившийся, Воронцов нашарил в калошнице гостевые тапки и выложил их перед новыми обитателями квартиры. Те молча переобувались, а владелец апартаментов с деланным безразличием поинтересовался:

– Что же вы без вещей?

– Да знаете, как-то так получилось, – невразумительно пояснила ситуацию Вера Ивановна. – Вещи остались в квартире у мужа. Немного странно, конечно, но все произошло спонтанно, я сразу не подумала. Так что, мы пока налегке. Куда нам пройти?

– Пожалуйста, по коридору направо. А вот здесь у нас удобства, – кивнул Воронцов на двери ванной и туалета. Подросток Петя угрюмо прошаркал тапками в гостиную, мать двинулась за ним. «Стесняются сразу туалет занять», – подумал Воронцов и проследовал за квартирантами, обдумывая дальнейшие действия.

Уже вечерело, солнце низко лежало на соседних домах, а их тени протянулись на весь двор, раньше времени создавая впечатление сумерек. Гостиная, как и вся квартира, выглядела патриархально: большая люстра с матерчатым абажу-

ром, древняя мебель из резного дерева: книжный шкаф, сервант, комод, диван, большой круглый стол в центре, прямо под люстрой. Напротив дивана, у противоположной стены, стояло не менее древнее пианино, с двумя подсвечниками на медных кронштейнах. Возможно, не медных, а бронзовых – Воронцова никогда не занимала мысль об установлении истины в столь несущественном вопросе. Четырехметровые потолки могли бы придать карликовый облик стандартной советской мебели, но эта, историческая, высилась здесь испокон веку, созданная еще и для больших пространств, и зрительно уменьшала размеры огромного помещения, позволявшие гостям свободно и не толкаясь танцевать между диваном и столом. Нынешний хозяин квартиры лично знал людей, которых облик квартиры приводил в угнетенное состояние духа, но сам он жил здесь с детства и не представлял никаких изменений в обстановке. Наоборот, пугался любой робкой мысли о них. Время застыло здесь с дедовских времен, всечасно напомидало о них и создавало связь с прошлым, какая редко у кого сохраняется в эпоху перемен.

Странная женщина, оставившая вещи в квартире мужа и пришедшая ночевать к незнакомому мужику, смиренно села на диван, сложив руки на коленях. Ее сын без всякого интереса смотрел в окно. Воронцов впервые получил возможность как следует, без спешки и при достаточном освещении, рассмотреть даму, перевернувшую его жизнь с ног на голову. Он окинул ее взглядом и не впечатлился. Потертые джинсы, за-

стиранная футболка, обыденная физиономия, темно-рыжие волнистые волосы, собранные на затылке в хвост. Возраст – за тридцать, но фигура вполне пристойная. Занимаясь оценкой внешности женщины, нельзя не учесть: она приехала из Челябинска, видимо, поездом, и, похоже, до сих пор даже душ не приняла. Надо полагать, собираясь в гости, она приобретает неизмеримо более привлекательный вид.

– Думаю, пора прояснить детали, – решительно нарушил тишину Воронцов. – В смысле размещения. Я занимаю кабинет – это по коридору от входа первая дверь налево. Дверь напротив гостиной – спальня. А дверь в торце коридора – чулан. Видимо, он вам пока не понадобится. Наверное, Вера Ивановна, вы сами с сыном разберитесь, кто из вас где разместится.

– Простите, – всполошилась жилица, – вы хотите отдать нам две комнаты?

– Я бы не сказал «отдать», – с некоторым неудовольствием в голосе грубо отреагировал собственник.

– Простите еще раз, – разорвала цепь его рассуждений гостья. – Вы хотите поместить нас в двух комнатах?

– В общем, да. Вас что-то удивляет? – спросил Воронцов, искренне желая узнать причину несогласия его собеседницы с предложенными условиями. Все три, что ли, ей отдать?

– Нет, спасибо, это чересчур. Мы и так вас слишком стесним. Лучше мы здесь ляжем. Я на диване, Петя – на полу.

– Зачем на полу? – Воронцов не понимал происходяще-

го. – Я всегда сплю в кабинете, давно привык. Зачем спать на полу, если имеется роскошная двуспальная кровать?

– Нет, спасибо, это было бы слишком нагло с нашей стороны.

– Да честное слово, комната стоит пустая! Я холостой, совсем ей не пользуюсь, но постельное белье имеется, и в полном комплекте.

– Вам его потом стирать после нас! Не надо, спасибо.

– Да что там стирать! У меня новая стиральная машина. Всех дел – сунуть в нее белье и забыть, пока не постирается. Тоже мне, проблема. Вера Ивановна, вы напрасно стремитесь меня не ущемить – я при всем желании не могу занимать три комнаты одновременно, одной мне вполне хватает.

Позднее Воронцов сам не мог понять, зачем так упорно и долго уговаривал гостью занять две комнаты вместо одной. Логического основания собственного упорства он не нашел, остались только причины трансцендентального порядка, но в этих материях он совсем не разобрался. В итоге всех усилий прыщавый отпрыск водворился в спальне, а его неподражаемая мать укоренилась в гостиной.

– Похоже, самое время поужинать, – произнес далее Воронцов фразу, требуемую этикетом, и только потом спохватился: кухонные запасы делали возможным ужин только для него самого. В холодильнике имелись остатки чахохбили и гарнира, а также простые вещи: сыр, масло, молоко, буженина. И все – для одного человека.

– Спасибо, неудобно как-то, – взялась за свое Вера Ивановна.

– Опять вы за старое, – буркнул кулинар-одиночка. – Сына-то нужно накормить. Предлагаете нам есть, а вы только посмотрите? Я недостаточно хам для подобных выходов.

– Да не страшно, вы ешьте, я не хочу.

– Вы ели сегодня?

– Ерунда, у меня разгрузочный день.

Женщина проявила недюжинное упорство, Воронцов сдался, включил ей телевизор и увел на кухню только выразительного подростка, который после появления в чужой квартире так и не произнес ни единого слова. Он съел разогретое чахохбили с макаронами, бутерброд с бужениной, выпил чай, сказал «спасибо» и покинул кухню, оставив хозяйку в размышлениях о дальнейшем житье-бытье.

Начало отношений с квартирантами оставляло желать лучшего – психологическое единение никак не возникало. С чего бы ему и возникнуть – только что познакомились, сказали друг другу несколько слов, исключительно на практические бытовые темы. Система Воронцова предполагала, напротив, полное отсутствие подобных мотивов в беседах с женщинами, назначенными на заклятие. Разговоры о музыке, живописи и литературе лучше всего подходили для создания ауры нездешности вокруг его смутной личности, а также сразу доказывали полное отсутствие перспектив материальной пользы в отношениях с ним. Таким образом, точки

над і расставлялись сами собой, не требуя в дальнейшем пояснений и комментариев. Но система альфонсирования все не предполагала общения с женщиной, подселившейся в квартиру из-за отсутствия другого места для ночлега. Подобных особ соблазнитель вовсе никогда не встречал в своей жизни, по крайней мере, не общался с ними так плотно. Главный вопрос, волновавший теперь Воронцова, заключался в следующем: как долго квартиранты намерены у него жить?

Вымыв посуду, он вернулся в гостиную и обнаружил там дежа вю: сын у окна, мать на диване. Оба молчаливые и неподвижные. Телевизор работал впустую, на экран никто не смотрел.

– Вера Ивановна, я пойду к себе, надо еще поработать, – объявил Воронцов. – Не буду вам больше мешать, располагайтесь здесь поудобнее. Постельное белье – в нижнем ящике комода и в спальне, в гардеробе. В комоде – банные полотенца и халаты, вы хозяйничайте здесь, я не буду мешать.

Он удалился в кабинет с чувством выполненного гуманитарного долга и ощущением неловкости. Казалось, события развивались странным, противоестественным путем. Словно родители опять насильно познакомили его с одной из их избранниц на роль невестки, а он снова оказался в нелепом положении жениха поневоле – боится обидеть родителей решительным протестом, но одновременно страшится проявить недостаточно отчуждения, чтобы раз и навсегда

отвадить благовоспитанную дочь из хорошей семьи, наивно полагающую, будто он так же мечтает о брачных узах, как и она.

Спустя короткое время из-за плотно прикрытой двери стали доноситься звуки шагов, недовольное бурчание подростка и командный голос его матери, шум воды в ванной и туалете – постояльцы осваивали предоставленное им пространство и тем самым приносили толику умиротворения в душу своего благодетителя. Ситуация принимала обыденный оборот, оставляя в прошлом отпечаток чрезвычайности и непонятности. Воронцов засел за компьютер и до поздней ночи шерстил Интернет – не ради удовольствия, а для денег.

3

Проснулся он по обыкновению днем и, лежа в разложенном кресле-кровати, некоторое время напряженно прислушивался. То-то получится номер, если постояльцы уже исчезли, прихватив с собой часть хозяйского имущества. Издали донесся звон и дребезжание упавшей крышки от кастрюли – видимо, новое статус-кво все же сохраняется. Воронцов встал, потянулся, зевнул, крикнул и с заспанным лицом отправился проведать свою кухню. Там его с некоторым смущением встретила Вера Ивановна, в его фартуке, возле его плиты.

– С добрым утром, Сергей Михайлович. Простите, я у вас

тут расхозяйничалась.

– Добрый день. Ничего страшного, не переходить же вам вместе со мной на ночной образ жизни. А какие возможности вы тут изыскали?

– Гречку у вас нашла, кашу сварила. Будете?

Разговор завязался сам собой: о том, где что лежит, где что купить, как что лучше хранить и о прочих вещах, которые интересуют только людей, занятых обеспечением физической возможности жить для тех, кто подобными приземленными темами не интересуется. Воронцов умылся, поел, и пришло время для разговора.

– Сергей Михайлович, – с некоторым смущением начала Вера Ивановна, – я позвонила мужу насчет вещей, но он не желает со мной разговаривать.

– То есть?

– Трубку бросает.

– Что значит «бросает трубку»? Это ведь ваши вещи?

– Да, наши.

– Ваши и мужа?

– Да нет же, мои и сына. Мы с ними приехали.

– И зачем же вашему мужу понадобились женские и детские вещи?

– Да не нужны они ему. Так просто, в позу встал.

– Он чего-то от вас требует?

– Да нет, ничего. Просто общаться не желает.

– Дикая ситуация. Извините, не хочу влезать в ваши дела,

но ваш избранник ведет себя весьма странно. Милицию, что ли, нужно привлекать?

– Да нет, – испугалась Вера Ивановна, – зачем милицию? Я думаю, он успокоится через какое-то время. Просто мне неудобно вас дальше стеснять. Потерпите еще денек-другой?

– Пожалуйста, оставайтесь. Ничего страшного. И все равно – никогда не мог понять, каким образом люди умудряются соединять судьбы с неопикуемыми подлецами.

– Не надо, вы его совсем не знаете.

– Зато достаточно знаю о нем. Хотите сказать, он правильно сделал, выгнав вас на улицу посреди ночи в чужом городе?

– Нет. Но все равно, со стороны трудно судить. У нас с ним столько всего разного было.

– Все-таки вы гнете к тому, что сами виноваты.

Воронцов никогда и нигде не выступал с какими-либо заявлениями по женскому вопросу, феминизмом не интересовался и не делил женщин на категории. Бизнес-леди в собственном «лексусе» и уборщица в магазине представляли для него одно и то же: женщину с присущими только ей заморочками. Разумеется, хозяйка дорогого авто представляла больший интерес с материальной точки зрения, но одновременно давала и больше шансов на позорное поражение. Ходок имел определенные способности, но шансов на успех с птицами высокого полета никогда не имел. Воронцов не видел разных женских характеров, он видел во всех один и тот же характер с одними и теми же чертами, только в разных

случаях разные особенности выпячивались или затирались, в зависимости от воспитания и прочих жизненных обстоятельств. Нынешняя нестандартная гостья вроде бы проявляла признаки врожденной жертвенности, но ночлег себе и отпрыску она все же обеспечила, без денег и в первую же ночь.

– Я не говорю, что сама во всем виновата. Только знаете, когда семья рушится, совсем невиновных среди супругов не бывает.

– Послушайте, Вера Ивановна, – начал было Воронцов.

– Извините, Сергей Михайлович, называйте меня по имени, пожалуйста. А то можно подумать, будто вы с какой старушкой разговариваете.

– Пожалуйста, мне не трудно. Давайте тогда просто на «ты», я пока тоже в старики не вышел.

– Хорошо. И мне не трудно. Вы что-то говорили?

– Так мы перешли или не перешли?

– Ой! Так... ты что-то говорил?

– Да, пытался. Вот о чем. Может, не стоит добиваться милостей у природы?

– Ты о чем?

– Сколько еще времени ты будешь звонить мужу, а он будет бросать трубку? Что за комедия положений? Я думаю, стоит к нему наведаться лично.

– Стоять под дверью два часа?

– Почему под дверью, не сидит же он в квартире круглые сутки. Чем он занимается?

– Магазин где-то держит. Но я не знаю адреса.

– Хорошо, а во сколько он вечером домой возвращается?

– Не знаю. А зачем тебе?

– Собственно, это не мне, а тебе. Под лежащий камень вода не течет. Надо ему жизнь испортить, чтобы изволил снизить.

– А как портят жизнь? Позвонить в милицию и сообщить о бомбе у него под прилавком?

– Это незаконно. А вот закатить шумный скандал на улице перед домом, на глазах у соседей – вариант. Престижный у него домик?

– Да нет, – пожала плечами Вера. – Обыкновенный блочный дом, советский еще.

– Ладно, а квартира-то его собственная?

– Говорит, купил.

– В кредит?

– Не знаю.

– Давно купил?

– Около года назад.

– А магазин когда себе завел?

– Года два.

– Значит, квартиру купил в кредит. Если наркотиками не торгует. Не торгует ведь?

– Откуда я знаю, чем он торгует? Какая мне разница?

– Очень существенная – тебе ведь половина причитается.

– Половина чего?

– Всего. Если вы расписаны, то бизнес и квартира – совместно нажитое имущество. При отсутствии брачного договора делятся в случае развода пополам. Так вы расписаны? А то женщины любят называть мужьями кого ни попадя.

– Расписаны, – обиделась Вера. – Но это ничего не значит. Не собираюсь я с ним за имущество тягаться.

– А за сына?

– Сын не его, даже не усыновленный.

– А кто же его отец?

– Как я тебе объясню? Ты его не знаешь.

– А о ком мы сейчас говорим?

– О моем нынешнем муже. Тебе очень интересно копаться в моей жизни?

– Честно говоря, да. Она выглядит крайне хитросплетенной, а любые ухищрения меня привлекают. Врожденная тяга к непознанному. Можно вопрос?

– Многовато вопросов.

– Я не о прошлых жизнях, а о нынешней. Почему ты меня не боишься?

– Хочешь сказать, другие женщины тебя избегают?

– Нет. Скорее, наоборот. Но до сих пор ни одна из них не являлась ко мне домой после нескольких минут знакомства.

В течение разговора Вера стояла у плиты и вертела в руках деревянную лопатку для тефлоновых сковородок. Услышав последнюю фразу Воронцова, она напряженно замерла и оставила на него застывший взгляд:

– Считаешь меня проституткой?

Негодяй отрицательно покачал головой:

– Ни в малейшей степени. Я совсем о другом: исходя исключительно из моей внешности и нескольких слов, достойных любого маньяка, ты поверила в мою бесконечную порядочность. Мне теперь интересно, в каких чертах моей незаурядной личности столь явно просвечивает хорошее воспитание? По-моему, оно вовсе не просвечивает, но ты ведь усмотрела что-то.

– Понятия не имею, – холодно заявила Вера, вновь принявшись за упражнения с лопаткой. – Словами объяснить не смогу.

– Женская интуиция?

– Если хочешь, да.

– Или просто другого выхода не оставалось?

– Может быть.

– А если бы у меня дома обнаружилась компания полупьяных похотливых мужланов?

– Компания похотливых мужланов вряд ли стала бы расставлять ловушку на тетку с вокзала. Я думаю, в Москве есть много более приятных возможностей сексуального удовлетворения.

– Наверное, но все они платные.

– Слушай, хватит корчить из себя уголовника. К чему все эти вопросы? Какой ответ тебе нужен, зачем? Что ты хочешь мне доказать? Что я безответственная дура? Рискую

собственным сыном без всякой необходимости? Так я тебе не жена, и сын не твой, какая тебе разница?

Вера перешла на крик, Воронцов ошалело замолчал. Потом неловко спросил:

– Кстати, где он?

– Телевизор смотрит, а что?

– Да так, думаю, чем бы его развлечь. По-моему, он у тебя не домосед.

– Не домосед. Но здесь у него компании нет. Тоже я виновата, скажешь?

– Да ничего я не скажу, что ты заводишься! Только все равно нужно твои дальнейшие планы обдумать.

– Я думаю, думаю! И ничего не придумывается. Я ведь дура непроходимая.

– Слушай, давай без истерики. Я просто хочу прояснить ситуацию, без всякой задней мысли. В Челябинске у тебя есть жилье?

– Нет.

– А вообще где-нибудь на этом свете есть?

– Нет.

– Так не бывает. Регистрация у тебя в паспорте стоит?

– Не стоит. Из моей квартиры муж сделал свой московский бизнес, доволен? Еще одно доказательство моей дурости.

– Заложил под кредит и не вернул?

– Вот именно.

– Он хоть пытался этот кредит выплатить, или просто тебя использовал?

– Откуда я знаю, он здесь был, а я в Челябинске.

– Квартира была приватизированная?

– Да.

– На твое имя?

– Да.

– Еще до этого замечательного мужа?

– Да.

– Тогда он не мог ее заложить. Он записал тебя поручителем?

– Какая разница?

– Возможно, никакой. Я не юрист, но похоже, что магазин – вовсе не его, а твой. Нужно это только доказать.

– Да, всего-навсего нанять адвоката. Когда жить не на что. Ты такой умный, просто слов нет.

Воронцов замолчал, осмысливая полученную информацию.

– Скажи, а ты вообще намерена воевать с мужем, или готова все простить, если он тебя примет? Вообще, что у вас там произошло?

– Ничего особенного не произошло. Просто у него другая женщина, вот и все.

– И он велел тебе убираться?

– Можно и так сказать.

– Так, снова возникает туман. А как еще можно сказать?

Он вас выгнал или ты сама ушла?

Вера тоскливо смотрела в окно на вершины деревьев во дворе.

– Ну какая тебе разница? Зачем ты копаешься в моей жизни? Удовольствие, что ли, получаешь?

– Я думал, женщины любят плакаться в жилетку.

– В какой-нибудь книжке прочел?

– Нет, жизненный опыт. Возможно, я пока не заслужил права занять должность твоего штатного слушателя, но и на роль постороннего уже не гожусь.

– Намекаешь, что мы с Петькой от тебя зависим?

– Странная у тебя тяга к огрублению простых вещей. Хорошо, сама скажи: я посторонний? Совсем никакого отношения к вам не имею?

Вера по-прежнему молча смотрела в окно. Потом повернулась к Воронцову:

– Станный вы народ – мужики. На все-то вы имеете право. Если перед вами женщина. А если перед вами другой мужик, на голову выше и на полметра шире в плечах – ваши права сразу съеживаются и вы рады их ему уступить по первому требованию.

– Понятное дело – против лома нет приема, если нет другого лома. Ты от темы все же не уклоняйся: муж вас с сыном выгнал, или ты сама ушла?

– Я увидела в квартире женское белье и возмутилась, а он велел мне заткнуться. Вот и скажи, сама я или не сама?

– А ваши вещи он почему не отдает? Чего хочет-то? Чтобы ты пришла и осталась?

– Мне все равно, чего он хочет. Я к нему не вернусь.

– Понятно. И каков же план действий?

– Не знаю. Нам уйти?

– Вечно ты все наизнанку выворачиваешь. Согласись, ведь нужно придумать какой-то план? Ты сюда рванула сразу из своей квартиры, как только банк ее забрал? Кстати, при наличии несовершеннолетнего ребенка они не имели права.

– Вечно ты о правах! Имели или не имели, а вот выгнали. Только я свою квартиру сдавала, а сама снимала комнату.

– Работала?

– Работала, в музыкальной школе.

– В музыкальной школе? Не вдохновляет. Зарплаты даже на комнату не хватало?

– Может, и хватило бы, только хозяин стал приставать.

– И ты сорвалась к любимому мужу?

– По-твоему, следовало снять другую комнату?

– Видимо, все не так просто.

– Очень даже сложно. Комнату нужно искать неизвестно сколько дней с неопределенным результатом, а деньги уже почти кончились. Вот и поехали.

– А под каким предлогом он вообще один в Москву уехал, да еще с твоими деньгами?

– Ясно, под каким. Мол, пока обоснуется да угнездится, лучше без семьи. Всякое ведь может случиться, руки лучше

иметь свободными.

– Это уж точно. Похоже, он себе не только руки освободил.

– Слушай, ты хоть когда-нибудь был женат?

– К счастью, нет.

– Почему же «к счастью»?

– Потому что не испытываю ни малейшего желания отвечать за чью-то жизнь. Видимо, муж из меня никакой.

– А ты и рад!

– В общем, да. Живу в мире с самим собой. Появись здесь жена, я бы, наверно, руки на себя наложил. Не представляю, как это люди семьями живут?

– А ты сам из детдома?

– Нет, почему. У меня родители живы-здоровы.

– Куда же ты их дел?

– Никуда я их не девал! Как бабушка умерла, они уехали к ней в однокомнатную, а эту поручили моим заботам. Житейского опыта набираться в преддверии женитьбы.

– Набрался опыта?

– Набираюсь потихоньку. Правда, перспектива свадьбы все равно не прорисовывается.

– Почему?

– Говорю же – страшно подумать. В сорок лет жизнь заново перекраивать – чур меня!

– Значит, родители напрасно внуков ждут?

– Напрасно. Если бы, скажем, можно было одну внучку

им из воздуха сделать – я бы не отказался. Но с женщиной связываться – на фиг мне головная боль? Она ведь первым делом захочет мебель поменять и ремонт сделать.

– И правильно сделает. У тебя квартира хорошая, а обстановка ужасная.

– И ты туда же. Нормальная обстановка.

– Ужасная. Словно пришла в гости к строгой бабушке, которая носит пенсне и бьет линейкой по спине, чтобы я не сутулилась.

– Но к бабушке ведь пришла. Плохо разве?

– Не плохо. Тоскливо как-то, уйти поскорей хочется. У тебя квартира не для людей, а для истории.

– Тебя послушать – так здесь жить невозможно. А я здесь всю жизнь перекантовываюсь, и очень хорошо себя чувствую.

– А на фортепьяно играешь?

– Немного. Но учился не в музыкальной школе – бабушка учила, потом мама. Но я не получал удовольствия, а они не слишком напирали.

– Можешь сейчас что-нибудь сыграть?

– Зачем тебе? Ты что преподавала в своей музыкалке?

– Фортепьяно.

– И тебе не надоели ученические упражнения?

– Я люблю учить музыке. Мне даже гаммы нравятся, хотя я слушала их много лет ежедневно. В них есть какая-то загадка. Сказка о гадком утенке, только сразу не поймешь,

превратится он в лебедя или так и останется обыкновенным взрослым уродцем. Дети ведь такие разные, так непохоже друг на друга проходят гаммы, которые всем кажутся образцом одинаковости. Смысл искусства наиболее виден в учебном исполнении. Если умения еще нет, а искусство уже существует, само собой приходит убеждение, что музыка переживает людей и останется на пустой планете памятником человеческой душе.

– Нерукотворным.

– Так ты сыграешь?

– Прямо сейчас?

– Какая-то проблема?

– Странный у нас диалог – из одних вопросов.

– Скажи «да» или «нет», и диалог станет обыденным.

– Твой Петька там телевизор смотрит.

– Ничего, переживает.

– Я до сих пор не могу забыть его истерику тогда, утром.

Ты не боишься снова его довести?

– Нет, тогда у него просто случился нервный срыв. В общем он мальчик спокойный. Не пытайся сменить тему.

– Зачем тебе понадобилось мое исполнительское искусство?

– Терпеть не могу людей, которые держат дома фортепьяно для мебели.

– Я на нем играю, когда стих находит. Правда, ничего нового давно не разучивал. Я ведь не гений, на лету мелодии

не подхватываю.

– Я не требую от тебя мирового уровня. Мне просто интересно: умеешь или не умеешь?

– Если не умею – я сноб, жлоб, мещанин и вообще редиска?

– Нет, просто человек, живущий по привычке.

Воронцов с детства не играл на публике, а в те тяжкие времена его принуждали старшие, чем навсегда отбили охоту к музицированию на потребу гостям дома. Он не столько боялся проявить бездарность, сколько испытывал неприятный привкус насилия над собственной волей и стремился поскорее прекратить экзекуцию. Наилучшим способом добиться желаемого ему показалась капитуляция. Он решительно встал, резко отодвинув табуретку, отправился в гостиную, разминая по пути пальцы рук, и уселся за пианино. Петька с дивана лениво смотрел на Воронцова и вошедшую вслед за ним Веру, не постигая их замысла. Затем недоучка в меру скромного таланта сыграл несколько тактов из Шопена и повернулся к своей мучительнице:

– Для мебели у меня пианино?

– Нет.

– Достоин я его иметь?

– Разрешаю. Тебе важно мое мнение?

– Сама же все начала. Я бы и не вспомнил об этой штуке.

– Я-то начала, но почему тебе понадобилось довести до конца?

Воронцов раздраженно встал:

– Всегда так с вашей сестрой. Можно наизнанку вывернуться, исполняя вашу волю, и все равно выставите идиотом. Видимо, в целях демонстрации психологического превосходства.

– А я думаю, дело не в нашей сестре, а в вашем брате. Вы все жутко закомплексованы в отношениях с женщинами. Вечно стремитесь доказать превосходство над соперниками, даже когда их вовсе не имеется.

– Ладно, спасибо за внимание. – Воронцов собрался к себе в кабинет, но вдруг замер посреди комнаты. – Елки, в магазин ведь нужно. У нас там еще остались припасы?

– Есть немного, но пополнить пора. Далеко у вас магазин?

– Рукой подать. До рынка добираться надо, поэтому я там редко бываю.

– Может, я схожу? И Петьку с собой в возьму для переноски тяжестей, а ты работай.

Воронцов замялся в нерешительности:

– А это удобно? Гостей вроде за продуктами не посылают.

– Если они явились по приглашению на несколько часов.

А мы тебе свалились, как снег на голову. Все равно, я лучше знаю, что мне понадобится для готовки.

Ночевавшие у холостяка женщины и прежде, случалось, готовили завтрак, но они проводили ночь в его постели и воспринимались им как свои. Вера пребывала в квартире на необычных основаниях, своей все же не являлась, хо-

тя чужой он ее действительно не считал. Никогда не имевший сестры, Воронцов переживал новый опыт – сожительство с молодой женщиной на правах товарищества. Незнакомая территория на каждом шагу ставила перед ним трудные вопросы, и он старательно морщил лоб, пытаясь их решать быстро и без излишнего варварства. Вчерашняя уличная незнакомка постепенно принимала на себя обязанности домработницы, а ее работодатель судорожно и непоследовательно пытался сформулировать для себя собственную роль в заданных обстоятельствах. Дальнейшие перспективы тонули в тумане, но заниматься покупками не хотелось, и Воронцов уступил без сопротивления. Дал Вере деньги, объяснил дорогу до любимого магазина, снабдил сумками и выпроводил постояльцев из квартиры со смутным чувством облегчения. Все-таки ситуация постепенно прояснялась.

Воронцов засел за комп и принялся прочесывать Инет, совершенно забыв о своих бытовых обязанностях на несколько часов, пока в дверь не позвонили. Только теперь он осознал, что жильцы отсутствовали слишком долго для визита в угловой продмаг. Вера в сопровождении молчаливого Петьки ввалилась в прихожую, оба оказались до отказа нагружены пухлыми сумками, издающими разнообразные пищевые запахи.

– Вы где были? – поинтересовался Воронцов, заранее ожидая новых неожиданностей.

Оказалось, мама с сыном провели полномасштабную ре-

когносцировку местности, объехали несколько рынков и отоварились большим спектром продуктов, обладающих оптимальным соотношением цены и качества. Хозяин квартиры подумал, что прежде закупался разом на целую компанию только в преддверии холостяцких вечеринок, обеспечение же бесперебойным питанием женщины и подростка в его задачах никогда не значилось. В сумках обнаружилось лук, капуста, редиска, помидоры, картофель и многое другое, прежде не занимавшее Воронцова в подобных количествах. Разгрузке он помогал неуверенно, временами задумываясь о превратностях своей жизни.

Вечером позвонил Мишка с предложением оттянуться в каком-нибудь кабаке, и Воронцов радостно согласился, ощутив вдруг свою квартиру не самым удобным местом на свете.

4

– Кто у тебя поселился? – не поверил своим ушам Мишка.

– Женщина с сыном. Мерзкий такой подросток, правда, пока тихий. Орал он только на улице.

– Откуда они взялись?

– Встретил на улице. Муж ее выставил, без денег и без вещей. Она, к тому же, из Челябинска, но и там у нее угла нет.

– Ну ты даешь! – восхитился приятель решимости Воронцова. – Холостой, холостой, и вдруг бац – сразу целая семья!

Оставил их одних?

– Нет, часового приставил. Идиотские вопросы задаешь.

Их ведь здесь нет, значит оставил.

– И уверен, что они у тебя мебель не вынесут?

– Ты очень мрачно смотришь на жизнь, тебе говорили раньше?

– Я смотрю на нее реалистично. До последнего времени ты сам поступал так же.

Прятели сидели в ночном клубе и потягивали коньяк в ожидании стриптиза. Мишка с его лысиной, интеллигентскими очками и выпяченным пузом считал Воронцова счастливым, поскольку тот сумел не жениться. Много раз женатик пытал бывалого холостяка, пытаясь понять, в какой момент биографии сам допустил роковой промах, но до сих пор не добился успеха. Состояние перманентного брака заставляло его непрерывно размышлять о свободе и независимости кого бы то ни было от чего бы то ни было, поэтому терпели его только в своей компании. Третий ее участник жил под кличкой, как профессиональный революционер. Прятели величали его Концерном, поскольку, единственный из всех, он впал в частное предпринимательство – владел на паях автомойкой. Теперь Концерн слушал рассказ Воронцова о радикальном повороте в его личной жизни и не произносил ни слова, задумавшись о чем-то высоком.

В помещении царила полутьма, стоял гул приглушенных голосов, официанты сновали по залу, и жизнь казалась такой

же, как вчера и во все предыдущие дни.

– Даже если они не вынесут твою мебель, как только вернешься, сразу же выгони их к чертовой матери, – из дружеских побуждений наставлял Мишка Воронцова. – Этим бабам дай палец – они руку оттяпают. Почему ты должен решать ее проблемы?

– В общем, не должен. Но и мерзавцем не хочется выглядеть.

– При чем здесь мерзавец? Она тебе родственница или хотя бы знакомая?

– Теперь знакомая.

– Ну разумеется, уже захомутала дурака. Она уже сама тебе призналась, что двух мужиков за цугундер взяла, а сколько их там было на самом деле? Хочешь стать следующим в очереди? Дождешься, что она в конце концов потребует себе долю в твоей квартире.

– С какого удивления? И вообще, она меня не трогала, я сам к ней пристал со своими благими намерениями.

– Ну конечно, сам! Они это умеют – не заметишь, как сам ей свою голову поднесешь на подносе.

– Блин, Мишка, ты совсем с дубу упал. Какая еще голова на подносе? Ты недавно Библию прочел?

– Да не читал я ее вовсе. Я тебя просто предупреждаю. Ты ведь с бабами общаешься время от времени, а я уже давно по уши погряз, круглые сутки упражняюсь в гендерной психологии. Точно тебе говорю: они ничего просто так не делают,

у них всегда есть цель. И к тебе она затесалась с целью.

– Разумеется, с целью. Переночевать. Если бы я прошел мимо них молча, ее сейчас в моей квартире не было бы.

– Но ты не промолчал. А она прекрасно знает: если мужик не смог спокойно пройти мимо незнакомой ревущей бабы, из него можно веревки вить.

– Ты ее в глаза никогда не видел, а судишь.

– Да на фиг мне ее видеть, я всю их сучью породу наизусть знаю!

– И как только твоя жена до сих пор о твою голову скалку не изломала.

– Потому и не изломала. Я ведь ее насквозь вижу и все резкие движения предупреждаю.

– А сам почему от нее не уходишь?

– Не могу. Природа не позволяет.

– Хочешь каждый день ее видеть и каждую ночь возлежать с ней в постели?

– Хочу. Поэтому тебе и советую остерегаться. У них ведь так – самую славную милую лапочку пригреешь, а потом понимаешь, что пропал. Когда уже поздно спастись.

– Зачем же спастись от милой лапочки?

– Затем, что у них всегда в запасе имеются железные когти, и рано или поздно тебя возьмут за горло.

– Видимо, ты имеешь в виду совсем другое место.

– Пожалуй.

Воронцов поднял рюмку с коньяком над головой:

– Почти весь срок своей брачной жизни ты уговариваешь меня никогда не жениться, но сам так и не развелся. Может, прокомментируешь как-нибудь?

– Что тут комментировать? Не могу уйти, и все. Можно подумать, сам не понимаешь.

– Очень хорошо понимаю, поэтому и смеюсь над твоими поучениями. Бабы созданы для нас, а мы – для них. Сермяжная истина, доступная самому ограниченному уму.

– Ну и женись, если ты создан для баб, – угрюмо бросил насупившийся Мишка.

– Пока не готов. Нужно либо узреть в браке пользу, либо сойти с ума. Со мной ни того, ни другого еще не случилось. Если случится – женюсь, и тебя спрашивать не стану.

– А если не случится?

– Тогда не женюсь, разве не ясно?

– Тебе сорок уже.

– Ну и что?

– С ума точно не сойдешь, а невестам, которые могли бы принести тебе пользу, ты на хрен не нужен.

– Замечательно, не женюсь. Решено.

– Вы оба – придурки, – неожиданно заявил Концерн и замолчал.

– Может, продолжишь мысль? – поинтересовался Воронцов. – Хотя, ты тоже женатик, и о холостяках судить не способен.

– Ерунда, – развил свою аргументацию Концерн. – В во-

просах жизни каждый может судить о каждом.

– Ну и?

– Голова здесь вообще не при чем.

– В вопросах жизни?

– В вопросах женитьбы. Ни здравый смысл, ни инстинкты, ни сексуальная зависимость к браку не ведут.

– И что же к нему ведет?

– Судьба. Заранее ничего не узнаешь, не предусмотришь, не предпримешь никаких сознательных действий. Можешь бегать с высунутым языком в поисках выгодной партии и ничего добиться, можешь сгорать от страсти и остаться свободным, а можешь просто жить, ничего не чувствуя и ни о чем не думая, как вдруг обнаружишь себя в ЗАГСе.

– С тобой так и случилось? – иронично поинтересовался Воронцов.

– Примерно. Со всеми происходит примерно так.

– А с холостяками?

– А с холостяками не происходит, вот и все. Сложилось или не сложилось. Выпал джокер или нет. Выиграл в рулетку или проиграл. И не всегда понятно, в чем выигрыш – в том, что женился, или в том, что проиграл.

– Как все запутанно, – скривился Воронцов, совершенно точно знавший, в чем состоит выигрыш.

– А ты как хотел? Человек – высшее животное, а не какая-нибудь инфузория.

– С твоими фаталистическими взглядами я бы не вы-

жил, – категорически заявил Воронцов. – Я хочу контролировать собственную жизнь.

– Чепуха. Это не удавалось даже великим монархам и диктаторам всех времен. По-моему, большая их часть имела большие проблемы в отношениях с противоположным полом.

– Слушай, Концерн, зачем ты вообще живешь на белом свете?

– Потому что родился.

– А чего не повесишься?

– Не хочется. У меня ведь все в порядке.

Воронцов хотел развить наступление на моральные позиции приятеля, но обстоятельства решительно ему помешали. Откуда-то из темного угла зала раздался усиленный динамиком голос ди-джея, загремела электронная музыка и началось то, ради чего вся компания и собралась ночью в общественном месте.

Первой раздевалась девица в советском школьном платье, в коротких белых чулочках и с большими белыми бантами в волосах. Воронцова всегда раздражали педофильские мотивы в стриптизе, но чувственность брала свое. Девица смотрелась соблазнительно, особенно, когда кроме чулок и бантиков на ней практически ничего и не осталось. Противоречия между разумом и чувствами возникают часто, и в большинстве случаев последние берут верх. Квази-школьница еще и двигалась плохо: механически, заученно, словно

под принуждением. «Сексуальная рабыня, что ли?» – подумал Воронцов, разозлился на себя еще больше и хватил залпом рюмку коньяка.

Следующей оказалась особа в стиле садо-мазо, в коже и металле, с демоническим макияжем и прямыми черными волосами. Когда она в достаточной степени разоблачилась, стали видны явные признаки целлюлита на ягодицах и выпуклых бедрах. Танцовщица извивалась вокруг шеста с видимым усилием, тот прогибался под ее весом, несчастный случай казался вполне реальным. Воронцов начал тихо закипать бешенством и бросил яростный взгляд на Концерна, главного организатора мероприятия. В сполохах светомузыки его лицо было трудно рассмотреть, но казалось оно бесстрастным.

– Ты специально на самый отстой подгадал? – спросил приятеля Воронцов, вложив в вопрос все свое природное ехидство.

– Тебе что, не нравится?

– Скажи еще, будто тебе нравится.

– Представь себе. Стрип как стрип. Можно подумать, ты каждый день видишь незнакомых полуголых баб.

– На фиг мне каждый день такое счастье? Так можно и до монастыря себя довести.

– Ладно, не кричи, а то выведут.

– Да я и сам уйду!

– Подожди, а то публика тебя за голубого примет.

– Публика в глубине души со мной согласна.

Пока Воронцов недовольно бурчал, на сцене появилась новенькая. Образ деловой женщины шел к ее овальному бледному лицу и серебристым теням у глаз. Собранные на затылке в пучок натуральные светло-русые волосы она через несколько минут одним движением распустила, и они вольно рассыпались по плечам. Воронцов замолчал и принялся внимательно следить за раздеванием, глупо надеясь, что стриптизерша нарушит правила заведения и снимет с себя совершенно все. Чаяния не оправдались, но страждущий зал пришел в неопишуемый восторг. Загремели аплодисменты, слышались полупьяные выкрики поклонников, Концерн тоже сложил руки рупором и выкрикнул общее требование, но танцовщица убежала со сцены, мелко семеня и прикрывая обнаженные острые груди.

– Ну как тебе? – подмигнул охальник Воронцову.

– Неплохо, – согласился тот. – Ложка меда в бочке дегтя. Думаю, больше ничего подобного не увидим.

Утверждение оказалось провидческим: ни один из оставшихся номеров программы не повторил успех блондинки с великолепным бюстом, зато по ее завершении официант подсадил за столик приятелей трех заинтересованных смешливых девиц, и все вместе они быстро забыли про злосчастный стриптиз.

– Мальчики, что это вы до сих пор веселитесь? – спросила одна из подсаженных, с пухлыми накрашенными губками. –

Вас ведь жены заругают.

– Не заругают, – обнял ее за плечи нетрезвый Мишка и мотнул головой в сторону Воронцова, – особенно вот этого.

– Почему особенно? – спросила недогадливая губастенькая.

– Потому что только он холостой, – быстро среагировала прозорливая подружка губастенькой.

– И самый бедный, – поспешил добавить Воронцов, страшно не любивший всерьез знакомиться в злых местах.

– Кто тебе сказал, что ты самый бедный? – встрепенулся Мишка.

– Ладно, не трепыхайтесь, – насупился Концерн. – Голопузые мои товарищи.

– Значит, ты самый богатый? – поинтересовалась прозорливая.

– Он самый смелый, – высказала свое мнение третья девица.

– Он самый сильный, – добавил Воронцов.

– Нет, он самый беспринципный, – вмешался Мишка. – Девчонки, вы его бойтесь.

Прозорливая просунула руку под локоть Воронцова и томно опустила голову на его плечо:

– Я буду дружить с бедненьким, но свободным, а вы – как хотите.

– Он ведь один, поскольку женщины его не терпят, – снис-

ходительно пояснил Мишка.

– Ничего подобного, он просто быстро ими насыщается и бросает, – возразил Концерн.

– И скольких ты уже бросил? – сложила губки бантиком прозорливая.

– Не считал, – беззаботно заявил Воронцов. В действительности он должен был бы сначала решить, кого можно считать его женщиной. Случайные связи на ночь-другую он полагал несущественными и не достойными учета, хотя их обилие сбивало с толку и в конечном счете не позволяло вести дебет с кредитом.

– А какие тебе нравятся?

– Сейчас ему понравилась та же, что и всем остальным, – встрял без спроса Мишка.

– Эта худюшая? – изумилась прозорливая. – И почему мужикам так мослы нравятся?

– Почему худюшая? Самое оно, – в свою очередь удивился Воронцов.

– У нее же ребра со ста метров пересчитать можно!

– Насчет ста метров не уверен, – вступился за танцовщицу Мишка. – Нет, она в норме. Не хуже вас, девчата.

– Да если я к шесту выйду, этот кабак с лица земли сметут! – безапелляционно заявила губастенькая.

– Конечно, кто же спорит, – согласился Мишка и чмокнул ее в щечку.

– А вот если бы вы все трое разом туда вышли... – мечта-

тельно протянул Концерн.

– Не надейтесь, – отрезала прозорливая и оторвалась от плеча Воронцова. – Нам тогда придется заканчивать вечер в ментовке.

– А мы вас и там не бросим, – заверил Мишка. – Штурмом возьмем.

– А ты с ними пойдешь? – дернула прозорливая Воронцова за рукав.

– Нет, – категорически заявил Воронцов. – Мне домой надо, у меня там чужой ребенок.

– Почему чужой?

– Он со своей матерью у меня поселился.

– А кто его мать? Твоя женщина?

– Нет, тоже чужая. Жизнь так сложилась.

– У тебя поселилась чужая женщина с ребенком?

– Угу.

– Прямо с улицы зашла?

– Нет, я сам их привел.

– Зачем?

– Жизнь так сложилась.

– Ей негде жить, – пояснил Мишка.

– Ты приютил прямо с улицы бездомную с ребенком? – вновь проявила свои способности прозорливая.

– Если ты представляешь себе бомжиху, то очень ошибаешься. Просто женщина, которой сильно не повезло – она оказалась без жилья только несколько дней назад. В какой-то

степени, по собственной инициативе: у мужа квартира в Москве, но она обнаружила в ней следы любовницы и ушла, хотя он ее не прогонял.

– Вообще-то, я ее понимаю, – вставила губастенькая. – Ложиться в свою законную постель второй по счету – ни за что бы не согласилась.

– И осталась бы ради принципа на улице, с ребенком и без денег? – уточнил Концерн.

– Осталась бы!

– А у тебя есть дети?

– Нет, ну и что? Принципы-то у меня есть, а это главное. Мужики почти ничего не понимают в чувствах, вы живете на голых инстинктах.

– И главный из них – инстинкт собственника, – заверил Воронцов.

– Не уверена, что главный, но имеется и такой. Вы все словно участвуете в какой-то гонке.

– Закон джунглей. Право на самку дается победителю, остальным остается только утирать кровавые сопли.

– Послушай, ну и какие же у вас отношения? – спросила прозорливая.

– Соседские. Парень у нее – мерзкий до невозможности. Только что матом ее не крыл, когда я на них напоролся. Правда, с тех пор, как у меня поселился, тихий. Наверно, боится всерьез на улице оказаться.

– А сколько ему?

– Кто его знает. Подросток, щуплый такой, но уже выше мамы вымахал.

– С подростками возни много. Ты не вздумай его ударить.

– Зачем мне его бить? Он же мне не сын.

– А сына ударил бы?

– Да ладно, не знаю. Я отец теоретический – может, сын бы меня меньше злил, даже если бы и оказался таким же геморроем.

Странный для ночного клуба разговор продолжался еще некоторое время, в течение которого Мишка и Концерн окончательно отошли на второй план, заслоненные в глазах трех подружек великим подвигом Воронцова. Встревоженные приятели благотворителя осторожно сменили тему и сдобрили ее новой порцией коньяка, обеспечив женскую часть общества французским вином. В результате вся компания оживилась и увлеклась намного более воздушными материями, не имеющими ни малейшего отношения к жизненным реалиям. По окончании собеседования все разъехались на такси в разные концы города, и, открывая дверь своей квартиры, Воронцов обнаружил рядом с собой прозорливую девицу, придерживающую его за локоть.

– Ты со мной? – на всякий случай поинтересовался ловец. На случай, если новая гостья утратила ориентацию и полагает себя возвращающейся домой.

– Конечно. Ты против?

– Я всеми фибрами души за.

– Не боишься своей жилицы?

– С какой стати? Я же говорил, у нас соседские отношения. Только...

– Боишься все-таки?

– Нет, только они две комнаты заняли. Нам остается только кресло-кровать.

– Замечательно, никогда не пробовала в кресле-кровати.

Двое вошли в темную прихожую, Воронцов включил свет. В квартире царили тишина, покой и порядок. Пара проследовала в кабинет, хозяин и там включил свет, прозорливая осмотрелась и поразилась обстановке.

– Она и тебя угнетает? – обиделся продолжатель традиций и поспешил увести разговор в другую сторону. Впрочем разговор продолжался недолго: спустя короткое время оба перешли к делу на узком разложенном кресле, которое периодически натужно поскрипывало.

Когда процесс закончился, и добыча хищника упала в объятия Морфея, Воронцов, которому рядом с ней не хватило места, сел за компьютер с затуманенной головой и умудрился еще часок поработать, затем притащил из чулана раскладушку и лег спать одетым.

Утром он проснулся от женского смеха, доносящегося издалека. С трудом осознав реальность, ночной житель сел на скрипучей раскладушке и опустил босые ноги на пол. Солнечный свет лился в кабинет через окно, и было видно, как пылинки пляшут в его лучах на фоне мрачного книжного

шкафа. Кресло оказалось пустым, откуда-то снова донесся смех, Воронцов собрался с силами, воткнул ноги в тапки и отправился на голоса.

Кухня жила полной жизнью, наполненная ароматом горячего борща. Вера и приведенная Воронцовым из ночного клуба прозорливая девица весело болтали, причем последняя нарезала тонкими ломтиками огурец – видимо, предназначенный для добавления в блюдо с салатом, стоявшее перед ней на столе.

– С добрым утром, – сказала Вера, как и в прошлый раз, хотя давно уже стоял день.

– Привет, – беззаботно кивнула прозорливая.

– Добрый день, – озадаченно произнес Воронцов, осмотрел кухню, задумался ни о чем, а затем мысленно махнул рукой и отправился принимать душ. Ему хотелось в первую очередь выйти из сомнамбулического состояния, и только потом заниматься прояснением своего текущего положения.

Обедали они вчетвером, и за едой Воронцов узнал имя ночной знакомой – Лена. Сам он и Петька не произнесли ни слова, кроме нескольких междометий, а женщины разговаривали непрерывно на самые разные темы, словно встретились после долгой разлуки. Искатель ночных приключений упорно думал об одном: почему новая знакомая до сих пор не ушла домой? Может, и ей негде жить? Такого сильного перебора Воронцов бы не выдержал, но предположение не виделось ему оправданным. Казалось, Лена жутко заинтере-

сована судьбой Веры и ее будущим, а вовсе не ее благодетелем.

После обеда Воронцов проводил девицу до дверей и вернулся на кухню, где его квартирантка гремела посудой. Он хотел спросить ее об успехе переговоров с мужем, но передумал. Подумал: будет выглядеть так, будто он мечтает поскорее выставить незваных жильцов из дома.

5

– Вера, тебе нужно подумать о будущем, – сказал Воронцов.

– О каком еще будущем?

– О твоём будущем. Или ты крест на себе поставила?

– У тебя есть какие-то идеи? Интересно послушать.

– А у тебя нет?

– Нет.

– Как это – нет?

– Очень просто. Я не знаю, что делать дальше.

– Ты обдумала разные возможности?

– У меня нет никаких возможностей.

– Ты ошибаешься.

– Серьезно? Какие же возможности ты высмотрел для меня?

– Решать тебе, мои фантазии не имеют никакого значения.

– И все-таки, ты ведь нафантазировал что-нибудь? Рас-

скажи, не стесняйся.

Воронцов замялся и внимательно всмотрелся в лицо собеседницы. Она сидела напротив него, в своих единственных джинсах и в единственной футболке, сложив руки на коленях и внимательно их разглядывая.

– Я скажу, а ты начнешь обзывать.

– Не начну, ты не бойся.

– Хорошо, почему ты не хочешь вернуться к мужу? Если он тебя не прогонял, то, я подозреваю, не отдает вещи только из расчета на твое возвращение.

– Вот поэтому и не хочу. Я ему не марионетка.

– Ты уже доказала. Уверен, он ждал твоего появления в первый же вечер, а теперь злится на самого себя.

– Он злится на меня заслушание. Приехала без спроса, да еще и посмела претензии предъявить. Какое нахальство!

– Ты ведь взрослая женщина и понимаешь, что мужик не может два года обходиться без секса.

– Плевать я хотела на ваши потребности. Тоже мне, рабы похоти. Надоело в тысячный раз слушать одно и то же. Я хочу всего-навсего мужика, которого заботит семья. Они ведь есть на свете, я знаю, я их видела! Правда, со стороны.

– Определенно, есть, – осторожно вставил Воронцов. – Только на них не нужно охотиться методом загона, на них нужно устраивать засады.

– Спасибо за совет, обязательно учту.

– Ладно, ладно. Не возвращайся. Тогда тебе следует на-

чать новую жизнь. Профессия у тебя есть, простор для деятельности в Москве налицо.

Вера оторвала взгляд от своих рук и подняла голову:

– У тебя есть планы? Я могу, конечно. С радостью. Хоть какая-то определенность.

– Имеются некоторые соображения. Можно взять учеников частным порядком. У нас в подъезде есть соседки, прикосновенные к занятиям музыкой детей и внуков, они могут прозондировать почву в своих кругах.

– Я с удовольствием. Только... шумно ведь будет.

– Ерунда, после обеда будут приходить, когда я не сплю. А когда я не сплю, меня трудно побеспокоить. Здесь есть другая подробность.

– Какая?

– Думаю, тебя уже давно обсуждают все соседки, я скажу, что вы – дальние родственники.

– Пожалуйста, говори, мне не жалко.

– И еще – тебе нужно строгое платье. Учительское. Придут клиенты знакомиться, нужно произвести положительное впечатление.

Вера задумалась.

– Ты купишь мне платье?

– Нет, деньги дам. Откуда я знаю, какое тебе нужно. И не только платье – вообще, прикупи там все, что нужно. Объедем мужа на хромой козе.

Последовала долгая пауза.

– Ладно. Я отдам, если начну зарабатывать. Когда начну.

– Пожалуйста, если хочешь.

– Хочу. Я и так в загадочном положении. Никак не пойму, за кого саму себя принять.

– Считай себя свободной женщиной.

– Звучит двусмысленно.

– Тут уж точно – пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает.

– А еще я не пойму, за кого принять тебя.

– Меня? В каком смысле?

– В самом прямом. Ты кто?

– Здравсьте, приехали. Знакомились уже.

– Нет, я в другом смысле – что ты такое?

Воронцов долго, молча и пристально смотрел на Веру.

– Никогда в жизни не отвечал на подобные вопросы. И понятия не имею, как на них отвечать.

– Очень легкий вопрос.

– Ну конечно! А сама можешь на него ответить?

– Запросто. Я – неудачница. Мужчины выбрасывают меня за ненужностью после использования, и я уныло бреду к следующему. Просвета пока не видно.

– Но твой муж не хочет с тобой расставаться, ты сама ушла.

– Он не только со мной не хочет расставаться, в этом и проблема. Состоять в гареме я не желаю, а ему приспичило завести гарем. По-твоему, что мне еще оставалось?

– Тем не менее, он тебя не бросал.

– Не обязательно сказать прямым текстом «пошла вон», можно так себя повести, чтобы женщина ушла – разницы, в сущности, никакой.

– А Петькин отец, а этот хозяин квартиры, который тебе прохода не давал? Они тоже тебя бросили или сделали так, чтобы ты сама ушла?

– Ты к чему клонишь?

– Мне кажется, ты – роковая женщина. Но сама себе боишься признаться в этом. Наоборот, даже воображаешь себя жертвой.

– Часто ты встречал бездомных роковых женщин? Вот если бы все мои бывшие один за другим оказывались бездомными, а я получала их квартиры, тогда бы я с тобой согласилась.

Междугородний телефонный звонок прервал дискуссию, и Воронцов снял трубку с висящего рядом на стене аппарата. В динамике раздраженный мужской голос потребовал к телефону Веру, в ответ Воронцов попытался выяснить личность звонящего, а тот стал грязно ругаться.

– Послушайте, хватит ругаться, – попробовал прервать агрессора самочинный переговорщик, но не добился успеха и после долгой паузы пообещал повесить трубку.

– Я хозяин квартиры, она должна мне деньги, – сообщил голос с легкой хрипотцой.

– А где вы взяли этот номер? – искренне поинтересовался

Воронцов.

– Какая вам разница? Ее муж сказал.

– Муж? А у вас не возникло мысли слупить деньги с мужа?

– Я ей квартиру сдавал, а не мужу!

Переговорщик отвернулся от трубки, прикрыл ее рукой и сообщил Вере суть происходящего. Она пожала плечами, с прежним безразличным выражением лица отобрала у Воронцова трубку и произнесла очень спокойным, ровным голосом:

– Я ничего вам не должна.

Ответ она слушала долго и внимательно, не прерывая звонящего, затем продолжила:

– Сообщайте, куда хотите и о чем хотите. Денег я вам не должна и ничего не воровала.

Последовал новый отрезок времени, выглядевший со стороны паузой, но в действительности являвшийся внешним проявлением неслышного, но отчаянного психологического поединка. Затем Вера заговорила вновь:

– Хорошо, приезжайте. Ничего нового от меня не услышите. На все ваши предложения я уже неоднократно ответила со всей определенностью.

Диалог продолжался в такой односторонней форме довольно долгое время и успел утомить Воронцова. Он с позиции наполовину глухого человека понимал только очевидные вещи: Вера холодна, полна отвращения и презрения и горит желанием довести до собеседника все свои отталки-

вающие эмоции. Иногда казалось – она обсуждает с ветеринаром кастрацию ненавистного соседского кота. Вопрос какого-либо рода неплатежей не всплыл ни разу за все время разговора, зато раз за разом выскакивали из речи отдельные словечки, имеющие отношение вовсе не к финансам, а к великому делу продолжения рода человеческого. Вера постепенно приближалась к пределам допустимого приличия, затем легко и даже в некоторой степени воздушно преодолела их, чем озадачила Воронцова не меньше, чем в день знакомства. Теперь усердному слушателю мерещилось, будто он слышит из динамика доносящийся за тысячи километров мат. Когда мастерица убалтывания с издевательскими интонациями отозвалась, судя по всему, на угрозу физической расправы, домохозяин даже задумался, не пора ли вмешаться. Возможно, яростный владелец далекого челябинского жилища, вступивший в заочное противоборство со своим московским коллегой, изливал бы горячечные мысли и дальше, но Вера встала и сама повесила трубку.

– Каким образом он смог сюда позвонить? – осторожно поинтересовался Воронцов.

– Откуда я знаю? Может, ему муж номер дал.

– Откуда у твоего мужа мой телефон?

– Не знаю. Наверно, у него определитель номера стоит.

– И что у тебя за отношения с этим типом?

– Которого из двух ты имеешь сейчас в виду?

– Разумеется, того, который звонил.

– У меня нет с ним отношений.

– И никогда не было?

– Не было, хоть тебя это и не касается. Ты меня ревнуешь?

– Пока нет, просто пытаюсь понять. Значит, он просто сдавал тебе жилье и вдруг возжелал тебя?

– Примерно. Ты сомневаешься в моей соблазнительности?

– Нет, воображаю живописную картинку. Он хотя бы от денег отказывался, или хотел и того, и другого?

– Понятия не имею, чего он хотел. Меня это никогда не интересовало. Он просто привык грабастать все, что попадалось ему на глаза, и не сумел перестроиться.

– И угрозы реальны?

– Возможно. Он сидел.

– Зачем же ты с ним связалась?

– Я с ним не связывалась.

– Я имею в виду – в жилищно-финансовом смысле.

– Я его реноме не изучала. Зачем ты задаешь так много вопросов? Хочешь его найти и набить морду? Он сам кого хочешь избьет.

– Занятно. У меня появилось смутное чувство, будто я постепенно становлюсь одним из твоих мужчин. Двое из них уже знают мой телефон, с одним я даже разговаривал. А ты с сыном живешь у меня. Интересно, что же я такое?

– Пока ты просто невероятно хороший человек.

– Невероятно?

– Конечно. Ни с того, ни с сего поселил у себя чужих людей.

Воронцов подумал, что не поселил их, а предоставил пристанище на пару дней до разъяснения ситуации, но промолчал. Второй день уже заканчивался, а ситуация только сильнее запутывалась.

– Чем там Петька занимается?

– Телевизор смотрит.

– Опять? Второй день подряд?

– Подумаешь, второй день. Он и месяц может, если друзья на улице не ждут.

– Нужно ему приятелей найти.

– Как ты их найдешь? Можно подумать, заждались его во дворе. Нужно знакомиться, в чужую компанию встраиваться. Дома-то со своими ребятами вместе рос, с пеленок друг другу гугукали.

– Да ладно, выйти на улицу, и все дела.

– У тебя дети есть?

– Нет, ну и что? Я сам пацаном был.

– Вот именно – был. А приходилось радикально менять адрес?

– Нет, я здесь всю жизнь просидел.

– Оно и видно. Это ведь жуткий стресс для ребенка.

– Честно говоря, твой Петя поначалу не произвел на меня впечатления тихого домашнего мальчика.

– Опять ты за свое? Я тебе говорила, он просто очень рас-

строился. При его подростковых гормонах всякое может случиться.

– И тем не менее, компания нужна, и завести знакомства он может только сам. Если ты выведешь его за ручку, то тем самым убьешь идею в зародыше. Нет, мне страшно представить впечатление, которое мог бы произвести на пацанов мальчишка, которого им представит мамочка.

– Успокойся, я не собираюсь выводить его во двор за ручку.

– Но его нужно выпустить одного. Иначе ничего не получится.

– Я понимаю. Ты держишь меня за дурочку?

– Ну так выгони его на улицу. Или он у тебя домосед?

– Хочешь избавиться от его общества?

– Какого общества? Я его не вижу и не слышу. Какое-то противоестественное положение дел – в доме старого холостяка появляется подросток, а холостяк его даже не замечает. Видимо, проблема в подростке.

– Оставь моего сына в покое. Займись своими делами.

И Воронцов пошел к себе работать. Он давно привык к компьютеру, как привыкают к своим орудиям производства люди, долго занятые одним и тем же делом. Погрузился в свои проблемы и совсем перестал думать о хозяйстве – теперь им занималась Вера.

Прошло несколько дней. Петька стал время от времени выходить на улицу, Вера готовила еду, поддерживала порядок во всей квартире, кроме кабинета, а еще купила себе черную юбку с белой блузкой, в которых и принимала желающих доверить ее педагогическому искусству своих детей. Скоро появились и ученики, которые подолгу бренчали на усталом фортепьяно в гостиной, а Воронцову пришлось вновь заниматься едой, теперь уже в очередь с Верой. Он по-прежнему ходил только в свой любимый магазин и готовил только свои любимые блюда, но теперь из расчета на всех, а не на себя одного.

В один из таких дней, когда из гостиной доносились гаммы, Петька ушел гулять, а на кухне в меру своих талантов колдовал Воронцов, в дверь позвонили. Хозяин открыл дверь и увидел высокого худого мужчину, очень решительно настроенного. Первым делом он, не поздоровавшись, потребовал впустить его в квартиру.

– С какой стати? – искренне изумился Воронцов, машинально вытирая руки о фартук.

– Слушай, ты, мерзавец, – угрожающе понизил голос незнакомец, – лучше не мешай мне. Тебя это не касается.

– Ничего себе! – ухмыльнулся насторожившийся благодетель бесприютных. Он начал догадываться о том, кто к нему пришел и зачем. – Лезет в мою квартиру и еще говорит, что меня это не касается.

Пришелец схватил оппонента правой рукой за грудки и попытался его приподнять над полом, но не смог. Воронцов обеими руками попытался оторвать от себя пятерню агрессора, но тоже не добился успеха и только болтался из стороны в сторону, быстро перебирая босыми ногами – тапки почти сразу слетели. Во взрослом возрасте Воронцов совсем не дрался, да и в детстве ему редко выпадал случай поупражняться в единоборстве, поэтому теперь он пытался привлечь на помощь смутные остатки познаний в физике. В его голове вдруг сами собой стали складываться расчеты наиболее выгодных векторов приложения силы, которые позволили бы вывести из состояния равновесия возвышающееся над ним более тяжелое тело. Фундаментальная мысль пришла не из давних школьных лет, из виденного уже в новейшее время американского фильма – чем ниже у единоборца центр тяжести, тем труднее его свалить. Он поджал ноги, шмякнулся головой о собственную открытую дверь, почувствовал, как враг наваливается на него всем весом сверху и резко оттолкнулся ногами от пола. Голова Воронцова ударилась обо что-то твердое, сознание его затуманилось, но хватка противника заметно ослабла, и вторым судорожным движением от нее удалось вовсе освободиться. Незнакомец стоял, чуть покачиваясь, словно успел за время драки изрядно подвыпить. Воронцов попробовал захлопнуть дверь, но та отскочила от упорного агрессора и едва на дала сдачи своему собственному хозяину. Попытка вытолкнуть неизвестного также не

привела к успеху. Напротив, тот вновь схватил Воронцова, теперь уже за шиворот, и принялся раскачивать его из стороны в сторону. Пыхтение и сипение борющихся, а также их отдельные короткие выкрики могли привлечь внимание третьих лиц, чего тихий домохозяин вовсе не желал. Пытаясь прекратить идиотские раскачивания, он обнял врага за торс и прошипел:

– Отстань, идиот!

Тот прижал похитителя чужих женщин к дверному косяку и приблизил к нему искаженное ненавистью лицо:

– Заткнись, козел! Где она?

– Занимается, не слышишь, что ли? Отпусти!

Воронцов рванулся из последних сил, от рубашки отскочила пуговица и покатилась по полу. Брошенный муж продолжал в упор разглядывать соперника.

– Когда вы познакомились?

– После того, как ты ее выгнал.

– Не ври! Она бы не поселилась у первого встречного.

– Почему бы и нет, если родной муж водит домой любовниц.

– Не ври, сказал! Она ведь к тебе приехала?

– Ты, мужик, больной на всю голову.

Муж шагнул вперед, отбросил в сторону расслабившегося хозяина и углубился в его квартиру, следуя на звук приглушенных закрытой дверью гамм. Воронцов бросился за ним, оставив открытой входную дверь, но все равно не успел – до-

гнал противника только в гостиной.

За фортепьяно сидела аккуратная маленькая девочка в белой кофточке и клетчатой юбочке, рядом с ней Вера. Обе с удивлением смотрели на ворвавшегося к ним мужика.

– Коля? – растерянно спросила непослушная жена, словно не была уверена в утвердительном ответе.

– Да, это я, – с тихой угрозой произнес тот.

– Ты что здесь делаешь?

– Пришел за своей женой. А что, не стоило?

Страсти накалялись стремительно, ученице стало страшно, она как-то съежилась и робко смотрела снизу вверх на расходившихся взрослых. Вера ободрительно погладила ее по головке, велела повторить гамму несколько раз, затем встала и быстро вышла из комнаты, по пути схватив за рукав и вытащив вслед за собой несуразного мужа.

– Зачем ты пришел? – спросила она его на кухне.

– А ты не догадываешься? Хочу вернуть тебя домой.

– Я не вернусь домой.

– Почему?

– Потому что у меня нет дома!

– Даже так? Глядя на тебя, не скажешь. Где ты сошла с этим типом, когда? Почему прямо не объявляешь, что приехала к нему?

Воронцов поспешил закрыть входную дверь, боясь привлечь внимание соседей к скандалу, и стоял в коридоре, не зная, следует ли ему вмешаться в семейный конфликт. По-

лучалось, он не является посторонним, по крайней мере, с точки зрения одной из сторон. Крики из кухни становились все громче и громче, постепенно заглушая брнчание из гостиной, наконец послышался явный звук оплеухи. Затем воцарилась тишина. Воронцов замаялся на короткое время, но потом все же вышел на сцену.

Вера сидела за столом, закрыв лицо руками, муж стоял рядом на коленях и безуспешно пытался заглянуть ей в глаза. Драться с ним Воронцов определенно не мог, он успел в этом убедиться, поэтому теперь остановился в смятении чувств и в нерешительности.

– Я, конечно, человек посторонний, – сказал он, глядя на затылки супругов, – но женщину бить не позволю.

Его никто не услышал, он оставался стоять, чувствуя себя полным ничтожеством.

– Вера, прости, – жалобно пробормотал муж. – Это от обиды. Я просто забылся. Это никогда не повторится, я ведь никогда тебя не бил.

Несчастливая молчала, Воронцов решил вмешаться:

– Послушайте, вам лучше уйти. Вы все испортили, лучше отложить новую попытку на потом.

Супруги не обращали на посредника ни малейшего внимания, поэтому он повелительно положил руку на плечо раздавленному обстоятельством мужчине. Тот стряхнул ее резким движением, а когда Воронцов повторил попытку, отбросил его руку, вскочил на ноги и вперился во врага слепы-

ми от ненависти глазами.

– Убирайся отсюда!

– Я из своей квартиры никуда не собираюсь, а вот тебе точно пора. Я ведь и милицию могу вызвать, имею полное право.

Мужик коротко ударил Воронцова локтем в грудь и ринулся из кухни прочь, словно с места преступления. Незадачливый драчун, даже не охнув, скорчился и опустился на корточки. Он бессмысленно хватал ртом воздух, но никак не мог сделать вдох, словно ему на голову надели полиэтиленовый пакет. После короткой агонии, когда смерть уже присела рядом в ожидании своего торжества, страдалец все же задышал и утомленно привалился спиной к кухонному шкафу.

– Ты как? – услышал он голос Веры.

– Кажется, живой. А где твой?

– Ушел. Ты куда мясо положил? – Вера копалась в холодильнике, вынимая из него по очереди всевозможные упаковки.

– На верхней полке, у задней стенки. Молоко, наверное, загоразивает.

Словно бывалая жертва избиений, брошенная жена достала из холодильника свою добычу, отрезала кусочек и приложила к скуле.

– Если глаз заплывет, точно учеников потеряю. Еще и Машутка родителям расскажет, что приходил какой-то дядя и громко кричал.

– Ну и приключение. Мне теперь нельзя дверь открывать? Буду, как подозрительный пенсионер, с посетителями через дверь разговаривать.

– Вообще-то, незнакомым и раньше открывать не стоило.

– Никак не вникну в твои отношения с благоверным. Если уж он меня бить начал, хотелось бы хоть примерное представление получить.

– Тоже мне, нашел тайну века.

– Нет, серьезно. Если он живет с любовницей, почему он не хочет отпустить тебя восвояси?

– Я уже говорила – гарем задумал.

– Ладно, брось. Гаремы создают из доброволок. Или он у тебя совсем на голову больной?

– Совсем.

– Так и говорит открытым текстом: будем жить втроем?

– Нет, он просто считает: если он меня не отпускает, я обязана оставаться с ним.

– А Петьку почему не усыновляет?

– Он хочет, но я боюсь. Привыкла, что сын – только мой.

– То есть, муж готов его усыновить?

– Если верить его словам – готов.

– А ты не привыкла верить его словам?

Вера замолчала, потом ушла с кухни, приоткрыла дверь гостиной, похвалила ученицу за исполнение задания, велела сыграть другую гамму и вернулась.

– Какая разница, привыкла или нет? Я просто хочу спо-

койно жить, не стесняясь знакомых и соседей. Там ведь весь подъезд наперечет знает всех его шлюх. Я бы не смогла там жить.

– Если вся проблема в соседях, можно переехать.

– Как? Ему за квартиру еще платить и платить. Как представлю себе тамошних кумушек, обсуждающих меня и Петьку, тошно становится.

– Я думал, женщины друг за друга горой стоят. Скорее, они загрызут его и его наложниц.

– Если бы я была их подружкой – возможно. А так – чужая тетка, можно и посмеяться всласть.

Воронцов подумал: а как же здешние соседки? Чуть не задал свой вопрос вслух, но осекся. Как ни поверни, получится, будто он ее укоряет двусмысленностью ее нынешнего положения и призывает не корчить из себя образчик невинности. Кто их разберет, этих женщин? Может, роль приживалки или предполагаемой любовницы устраивает ее больше, чем положение жены неверного мужа?

Затрезвонил телефон, Воронцов снял трубку и услышал знакомый женский голос:

– Привет.

– Здрасьте.

– Как поживаешь?

– Спасибо, не жалуюсь.

– Можно Веру к телефону?

– Пожалуйста.

Воронцов протянул трубку с озадаченным выражением лица:

– Тебя.

Вера взяла у него трубку и минут пятнадцать болтала на всякие женские темы, в которых Воронцов ничегошеньки не понимал, после чего сама повесила трубку.

– Это Лена? – осторожно поинтересовался неудачливый прохиндей.

– Да, – беззаботно подтвердила Вера.

– Вы что, подружились?

– Я бы не сказала. Пока просто познакомились.

– Просто познакомились?

– Да, просто познакомились. Почему тебя это заботит?

– Почему? Ты серьезно?

– Вполне. Ты не ответил на мой вопрос.

– Почему меня это заботит?

– Да, почему тебя это заботит?

– Потому что я сам с ней толком не знаком! Я имя ее от тебя узнал.

– Тем хуже для тебя. Все вы одинаковы.

– Приехали! Хоть бы что-нибудь новенькое придумала.

– Зачем же придумывать новенькое, если и старенькое идеально к вам подходит.

– Мы ругаемся почти как супруги.

– Спаси и помилуй.

Рассерженный и избитый Воронцов вернулся к себе в ка-

бинет и накинулся на работу так, словно ему месяц не позволяли заняться любимым делом.

7

Спустя дня три после описанного выше приключения содержатель импровизированного общежития возвращался из рейда на магазин, навьюченный несколькими пакетами. Пока он возился со своим дверным замком, открылась дверь напротив, и в проеме появилась соседка, Матрена Ивановна. Вдова какого-то знатного передовика производства советских времен, она, едва ли не единственная из всех жильцов подъезда, не была испорчена высшим образованием и всегда вела себя простодушно.

– Сережа, – произнесла она скрипучим старческим голосом, – ты не мог бы в следующий раз, когда соберешься в магазин, прикупить и мне кое-что?

– Конечно, тетя Моть, запросто, – залихватски ответил Воронцов и не забыл впоследствии о сказанных словах. Отправляясь в свое очередное дежурство за покупками, он позвонил в соседскую дверь и принял заказ на батон хлеба, пачку маргарина, пакет кефира и пакет молока. Вернувшись с продуктами, он занес их в старушечью квартиру и словно окунулся в собственное прошлое.

С обстановкой и топографией комнат он ознакомился еще в детстве, когда ребенком посещал младшего из тамошних

обитателей, своего ровесника Ромку. Пролетарская квартира была двухкомнатной, но изолированность жилых помещений позволяла забыть о малометражности. Пацаны устраивали в детской настоящие крепости из стульев и диванных подушек и долгими часами обороняли их от воображаемых врагов. Перейдя в более опасный подростковый возраст, они стали играть в более суровую версию солдатиков: делали человечков из пластилина, снабжали их самодельным игрушечным оружием, а затем вели настоящие бои посредством «стрелялок», изготовленных из шариковых ручек с отпиленным концом и стержней от шариковых ручек с прикрученными к наконечнику иголками. Следовало только приноровить к одному из концов «стрелялки» резинку, вставить в устройство боевой стержень, натянуть резинку, прицелиться и пригвоздить вражеского пластилинового солдатика к диванной подушке. В семидесятые годы не существовало другой игры, в которой можно было ранить врага в ногу или руку и даже точно узнать, сквозная у него рана или нет. Раненый в ногу солдатик мог бросить свою крошечную винтовку и сесть, обхватив обеими руками пораженную конечность. Особо жестокий игрок мог его добить, и всегда было ясно, попал он или не попал, а если попал – то куда именно.

Воспоминания нахлынули на Воронцова, теплое чувство прилило к груди, и он водрузил сумку Матрены Ивановны на ее кухонный стол с щемящим чувством нежности.

– Спасибо тебе большое, Сереженька, – поблагодарила его

хозяйка.

– Да не за что, тетя Моть, пустяки.

Он беззаботно махнул рукой и направился к выходу, но его остановили.

– Сережа, подожди. Я хочу тебя спросить кое о чем.

– Да, я слушаю.

– Ты, наверное, сам понимаешь... Соседки все переполошились.

– Из-за меня?

– Нет... Из-за гостей твоих.

– А что с ними?

– Да так... Взялись неизвестно откуда.

– Теть Моть, а зачем вы за меня переживаете?

– Ну как же! Зачем-то врешь про какую-то родственницу. Сроду не слышала о таких ваших родственниках. Да и позвонили твоим уже давно – они ничего не знают.

– Кто же это додумался моим-то звонить? – взбеленился Воронцов не на шутку.

– Да я толком не знаю... говорят, кто-то позвонил.

– Да зачем позвонили? Я что, школьник? У меня что, шумные компании собираются? Я спать кому-то мешаю?

– Да нет... но мы же соседи.

– Вот именно – соседи. Не опекуны, не родственники, не дружинники какие-нибудь, а просто соседи! Кстати, в милицию еще никто не позвонил?

– В милицию не звонили, нет.

– И на том спасибо!

– Сережа, ты не расстраивайся так – за тебя ведь все переживают.

– Со мной что – беда какая приключилась? Зачем за меня переживать?

– Ну как же – женщину привел. Ребенок ведь не твой?

– Да вам-то какая разница?

– Ну как это – какая разница! Ты ведь не чужой. Тебя на наших глазах обманывают, мы переживаем.

– С чего вы взяли, что меня обманывают?

– Ну, если чужая женщина с чужим ребенком у тебя поселяется, ей ведь нужно что-нибудь. Вот ты знаешь, что она задумала?

– Она задумала остаться в живых, вот и все. Я ведь к вам ее не подселяю, вот и не переживайте попусту.

– Да что ты все – не переживайте, да не переживайте! А вот переживаем! Захватит она у тебя жилплощадь, тогда сам поймешь, почему мы переживаем, да поздно будет.

– Теть Моть, а можете вы себе представить, что ей пока просто негде жить, вот она у меня и перекантовывается? Почему вы обязательно какие-то козни видите?

– И сколько времени она еще будет у тебя перекантовываться?

– Я откуда знаю? Пока все не утрясется.

– А что может утрястись? Она купит себе квартиру? Она у тебя олигарх?

– Почему обязательно купит? Снимет себе нормальную квартиру, а не угол. На худой конец – комнату в ближнем Подмосковье. Только капиталец какой-никакой подсоберет для начала.

– А ты с ней об этом говорил? Это она тебе сказала, или ты сам сейчас сочинил?

– Я сам сейчас сочинил. Но я по этому поводу не страдаю.

– Ты думаешь, она сама вот так соберется и куда-то поедет?

– Думаю.

– Почему?

– Потому что ей самой так будет удобней.

– Почему же ей будет удобней? Ты с нее плату берешь?

– Нет, конечно.

– А как ты думаешь, ей удобней бесплатно жить здесь или за деньги в ближнем Подмосковье?

– Думаю, за деньги в Подмосковье.

– Почему?

– Потому что независимость всегда удобней зависимости.

– Независимость хороша, когда деньги есть, а вот сможет ли она зарабатывать хотя бы на комнату – никто не знает.

Матрена Ивановна принялась настырно выяснять у Воронцова, видел ли он паспорт постоялицы, может ли кто-нибудь вообще в этом мире подтвердить ее историю, и сын ли вообще с ней живет, или юный сообщник замаскировался. Получив серию невразумительных ответов, она стала вспо-

минать разнообразные истории, случившиеся не так давно с людьми, которые тоже неосторожно впустили в собственный дом постояльцев, выглядевших невинно, как агнцы небесные.

– Теть Моть, небесных агнцев не бывает, – твердо заявил Воронцов. – А все твои истории приключились, наверно, с одинокими пенсионерами, если вообще приключились.

– Ну конечно, ты-то у нас мудрый и сильный, тебе никто не страшен!

– Женщина с ребенком уж точно не страшна.

– Ребенок! Тоже, нашел ребенка. Уже успел спутаться с какими-то бандитами.

– С кем он спутался? – настороженно переспросил Воронцов.

– Я их по именам не знаю. Сидят по подъездам, водку-пиво хлещут.

– Вообще-то, водку-пиво я за ним не замечал.

– А как ты заметишь? В гаишную трубочку дуть заставишь? Он с тобой здоровается хоть?

– Здоровается. Да ладно, тетя Моть! Он и домой не поздно возвращается, еще до полуночи.

– Во-во! До полуночи! Разве дело – до ночи шляться, неизвестно где.

Воронцов заверил соседку, что ни ей, ни ему никакая опасность от квартирантов не грозит, но в свою квартиру вернулся несколько озабоченным.

Вечером, после ужина, он завел разговор с Верой о случившемся обмене мнениями, но она новость приняла спокойно. Мол, соседки – всегда и везде соседки, на всякий роток не накинешь платок. Главное – учеников у нее пока никто не забрал. А от Петьки никаким алкоголем здесь, в Москве, ни разу не пахло, хотя в Челябинске пару раз случилось.

– А он там со своим отцом общался? – грубо поинтересовался Воронцов.

– С отцом? – удивленно переспросила Вера. – И давно тебя заинтересовал его отец?

– Он меня не интересуется.

– Зачем тогда спрашиваешь?

– А ты почему не отвечаешь?

– А ты почему отвечаешь вопросом?

– Ты то же самое делаешь. У меня возникает некоторое подозрение насчет этого отца. Ты его помнишь и хочешь, а он тебя знать не желает. Угадал?

– Плохой из тебя гадатель. Только половину угадываешь. Я не хотела от него уходить, он меня бросил, но не хотел меня отпускать и с тех пор ждет моего возвращения.

– Звучит трагично и запутанно. Странные мужчины попадают тебе на жизненном пути, но до крику похожие, словно отксеренные. И кто же вас развел по разным сторонам света?

– Никто конкретно. Просто так получилось.

– Вот так просто – получилось, и все тут? Никогда не замечала – ты иногда очень странно разговариваешь? Чем больше ты темнишь вокруг вашей истории, тем мне будет интересней и интересней. Ты уж лучше расскажи один раз, и оба успокоимся.

– Еще немного, и ты мне ушко подставишь. Зачем тебе понадобились особенности моей интимной жизни?

– Я ведь тебе уже рассказал в общих чертах. Здешние женщины версию о наличии между нами родственных уз не приняли. Теперь я несу ответственность за тебя, как за стороннего человека, введенного мной в клуб. И при этом сам ровнехонько ничего о тебе не знаю.

– Нам пора уматывать?

– Нет, тебе пора посвятить меня в историю твоей жизни. Я ведь вижу – она не такая уж и длинная.

– Неужели ты выдал комплимент?

– Я просто изложил свой ход мысли.

– Хорошо, а ты посвятишь меня в свою историю?

– У меня нет истории.

– Очень мило. И ты еще ждешь от меня откровенности? Или нет, прости, как я могла забыться! Ты ведь хозяин. Ты решаешь, кто кому обязан исповедоваться в твоей квартире. Извини, я окончательно обнаглела на чужих хлебах.

– Не нужно иронизировать. Могу рассказать тебе мою жизнь, много времени не займет. Всю ее я провел здесь, исключая два года патриотического долга под знаменами.

Учился, работал, ни разу не женился. Здесь моей автобиографии конец. То ли дело ты! Без квартиры, без денег, с ребенком, в чужом городе, среди трех мужиков. Прямо роман можно сочинить о такой женщине.

– Я свою жизнь тоже могу уложить в две строки – совсем не фокус.

– Но тебе придется опустить важные вехи, а у меня их просто нет.

Вера помолчала некоторое время.

– Значит, тебе нужно отчитаться перед местными женщинами?

– Я должен им доказать, что мы друг другу не чужие.

– Неужели они не верят, что мы не спим вместе?

– Представь себе, нет. Видимо, хорошо меня узнали за сорок лет.

Вера снова замолчала, теперь уже на несколько минут, глядя прямо перед собой, а затем вдруг рассказала с самого начала до самого конца короткую историю мучительной связи с отцом своего единственного ребенка.

8

В восемнадцать лет Вера училась в музыкальном училище, не помышляя о каких-либо высоких материях, в том числе о замужестве и деторождении. Студентка первого курса сталкивается с таким бесконечным множеством больших

и малых проблем, что вынырнуть из них и заняться личной жизнью не может. Конечно, если учится всерьез. Вера училась самозабвенно, получая удовольствие от лекций, занятий музыкой и посещения библиотеки, где толклись в том числе и молодые люди, но на них она внимания не обращала. Только изредка, обнаружив поле зрения кого-нибудь высокого и стройного, с приятным интеллектуальным лицом, она бросала на него украдкой пару взглядов и задумывалась на романтические темы, но затем обнаруживала на столе перед собой полузабытый учебник по теории музыки, спохватывалась и продолжала готовиться к завтрашним занятиям.

Тем не менее, временами студенческая жизнь приносила подарки: каникулы, праздники, дни рождения подруг, вечеринки в общежитии по всяческим смехотворным поводам. Подружки уговорили ее провести трудовой семестр восемьдесят девятого года не в стройотряде, а в пионерлагере – вожатыми. Опасаясь самых младших и самых взрослых детей, она добилась обещания поставить ее на отряд десятилеток и согласилась, желая не очень скучно провести пару месяцев и чуть-чуть подзаработать. Ее напарником оказался студент по имени Коля – широкоплечий, не просто веселый, а еще и остроумный. Он носил настоящие джинсы Wrangler, настоящие итальянские солнцезащитные очки, часы Seiko и кроссовки Nike, все это сидело на нем ладно, красиво и удобно. Вере показалось приятным болтать с ним на людях или просто сидеть рядом. Девчонки бросали на нее завистливые

взгляды – по крайней мере, ей казалось, будто она ощущает их.

Перед началом первой смены всю студенческую банду вывезли в лагерь на инструктаж, и они жили в пустых корпусах одни, без обузы в виде чужих детей. Скучные занятия с ними проводили только до обеда, оставшееся время студенты отдавались свободе, находя себе невинные занятия в лагере или в его окрестностях. Вечерами собирались по корпусам за чаем и разговорами, с пением под гитару и всевозможными интеллектуальными играми. С тех пор минула целая жизнь, но те три дня так и остались одними из лучших в памяти Веры.

Затем последовал нелегкий вожатский труд на протяжении двух смен, когда с утра до вечера приходилось крутиться белкой в колесе, не имея ни единого спокойного часа, даже если он официально значился в расписании дня тихим. Организация оказалась богатой, в двухэтажных кирпичных корпусах размещались по два отряда, на первом этаже находилась женская вожатская, на втором – мужская. Даже собственные душевые имелись в каждом отряде, что вовсе не являлось в те времена правилом. По ночам вожатые собирались уже маленькими компаниями, только соседи по корпусу, иногда и в эти неурочные часы в дверях появлялись пионеры с их внезапными ночными проблемами, которые следовало незамедлительно решать, дабы восстановить беззаботное коллективное бдение.

В конце первой смены состоялся КВН – вожатые против пионеров, в конце второй – вожатский концерт. Репетировали его чуть не всю смену напролет, несколько раз прогоняли с начала до конца, но в силу неких таинственных законов коллективной психологии во время самого концерта, при полном зале детей, только и ждущих повода поехидничать, все же случилась накладка. Вера умудрилась одна из всех пойти в ногу – выскочила на сцену для отработки положенного по порядку номера – сценки с днем непослушания вожатых, якобы сбежавших от несносных воспитанников в лес. Все остальные участники концерта почему-то взялись готовиться к другому номеру, предусматривающему выход олимпийских богов и богинь, закутанных в простыни. Пока вся команда судорожное переодевалась, Вера одна бродила по сцене, время от времени оглашая ее призывным кличем, как бы положенным по сценарию. Следующим после нее, первым среди всех опростоволосившихся, на сцене возник Коля и сразу принялся импровизировать, даже сумел пару раз вызвать смех в зале удачными шуточками. За ним подтянулись остальные, дети не заметили сбоя.

Последствия того концерта оказались длительными по другой причине: олимпийские боги состояли, как известно, друг с другом в родственных связях. В результате шуточным образом породнились между собой все вожатые, причем Коля с Верой оказались главой семейства, мужем и женой, родителями детей и даже дедом и бабушкой внуков. Спустя

месяцы после лагерной эпопеи, собираясь компанией, бывшие олимпийцы все еще озадачивали сторонних очевидцев, обращаясь друг к другу в соответствии с их игрушечными родственными связями.

Вера с Колей ходили под ручку, в дождь – под одним зонтом, сидели в кафешках или пельменных – смотря по наличию денег. Иногда они ссорились по пустякам, Вера плакала и жаловалась маме на судьбу, но проходили дни, они снова целовались в знак примирения, и боль обиды растворялась бесследно в океане тихого счастья. Коля бывал у нее дома, общался с ее родителями, участвовал в семейных ужинах, сидел вместе с Верой в ее комнате, слушая музыкальные записи, отношения выглядели близкими и безоблачными, весь курс ждал объявления о свадьбе. Вера стала уже потихоньку наведываться к магазину новобрачных, разглядывать белые платья в витрине, она снялась сама себе с фатой, упавшей на лицо. Ей даже не пришлось уступать будущему жениху, первое соитие случилось почти буднично, по-супружески, после обеда, когда стопка немытой посуды еще висилась в раковине на кухне. Вере понравилась роль вожденной мечты для близкого человека, минуло несколько месяцев почти семейной жизни, после чего случилось закономерное.

Известие о беременности Веры не застало Колю врасплох – он давно вырос из пеленок и понимал возможные последствия их затянувшейся игры. На прямой вопрос он дал не менее прямой ответ и к концу учебного года женился на другой,

вовсе не студентке, о существовании которой не подозревали даже его приятели. Старая история, случавшаяся слишком часто с сестрами Евы, чтобы не превратиться почти в анекдотическую для отстраненных наблюдателей. Вера взяла в училище академку, отстала от своего курса на год, но в итоге диплом все же получила, благодаря маминым заботам. Иногда даже встречалась в коридорах с Колей, поначалу он ей сдержанно кивал, но затем перестал, не встречая ответных жестов внимания.

После училища она стала работать. И прежде несущественная, с наступлением новых времен зарплата учительницы музыки стала вовсе символической, Петька рос в основном заботами бабушки и дедушки, но они погибли вместе, мгновенно, под самосвалом, вылетевшим на тротуар. На похороны ушли деньги, игравшие роль семейных сбережений, Вера стала подрабатывать частными уроками, но нищета легла на ее плечи тяжким грузом, пока она не вышла замуж.

Она мысленно называла его Николаем Вторым, не задумываясь о печальных аллюзиях. Муж играл с Петькой, но мог и через слезы заставить его самостоятельно решать дворовые проблемы. Однажды он категорически заявил Вере, что хочет непременно усыновить мальчишку, но она принялась многословно объяснять невозможность такого действия, сама не понимая, почему. Не старый еще вдовец, мастер на все руки, в самые суровые годы занимался отхожим

ремеслом, уезжая иногда на месяцы, но неизменно присылая раз в месяц деньги. По прошествии нескольких лет он кинулся в более смелое предпринимательство, потерял на нем изрядную сумму, потом отправился в Москву с твердым намерением пустить там надежные корни, повелев жене квартиру сдать и снять для временного проживания комнату в коммуналке, поскольку некоторое время все деньги придется вкладывать в дело.

Хозяин комнаты имел хмурый, несколько уголовный вид, разговаривал мало, в основном через губу. Появляясь время от времени без предупреждения, принимался исследовать обои в поисках пятен и повреждений, иногда находил их и затевал скандал, требуя денежной компенсации. По прошествии года, накопив подобных претензий на кругленькую сумму, он принялся намекать на возможность иных способов расчета с непомерными долгами, поскольку, мол, он хорошо понимает положение одинокой женщины с ребенком. Попытки доказать ему факт законного брака не давали результата – существующий за тридевять земель муж казался агрессору фантомом, которым можно только малых детей пугать.

Именно в эти нудные и тусклые месяцы Вере снова стал сниться Николай Первый. Через третьи руки она узнала о его разводе и внутренне сломалась. Словно плотина рухнула – нахлынули воспоминания о ночных посиделках в пионерлагере и концерте вожатых, о романтических прогулках

под луной или дождем, сердце тоскливо сжималось, и рождалась где-то в бредовом подсознании новая надежда. Она даже призналась подругам, и те с некоторым удивлением бросились доказывать ей очевидные вещи – подонок в молодости останется таковым до самой смерти, даже если на старости лет и пожелает обрести готовенького сына, на воспитание которого не потратил ни копейки денег и ни малейшей частички души.

– Мне все равно, зачем он вернется, – честно признавалась Вера. – Пускай ради Петьки. Я не могу себе приказать не думать – я его никогда не забывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.